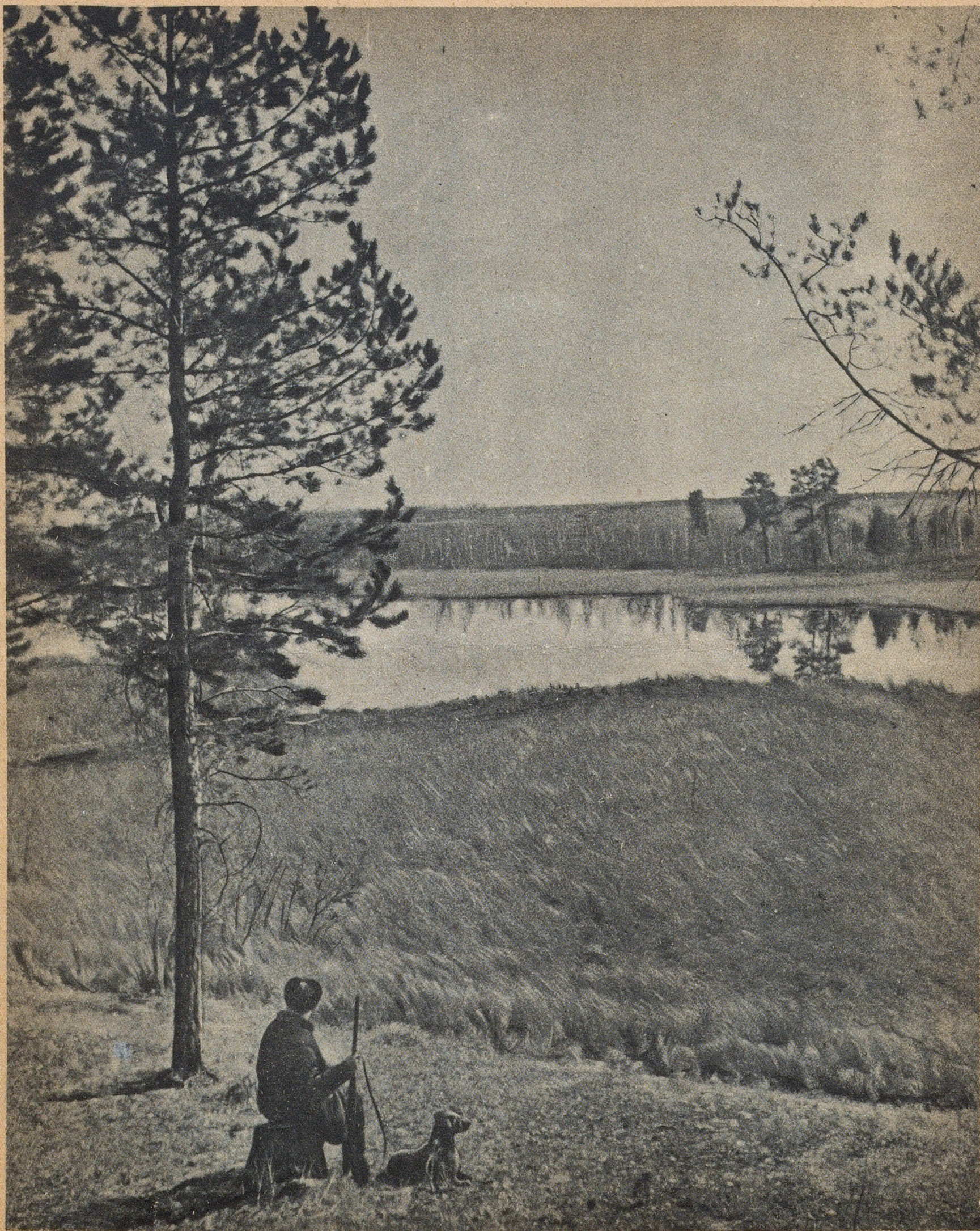




Огонёк

№ 15-16

1945 год



Владимир Ильич Ленин любил охотиться в этих местах во время своего пребывания в ссылке в селе Шушенском.

Фото С. Фридлянда

НА ОБЛОЖКЕ: Уличные бои в Бреслау. Автоматчик К. Иванов ведёт разведку с башни одного из захваченных нашими войсками домов.

Фото Дм. Бальтерманца

Огонёк

№ 15—16 [934—935]

Пятница, 20 апреля 1945 года

Высшая награда

В дни напряжённой борьбы за осуществление первой сталинской пятилетки, пятнадцать лет тому назад, постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР был учреждён орден Ленина.

Орден Ленина — высшая награда Советского Союза.



Этой высокой награды удостоен большой отряд строителей, осуществляющих сталинский план индустриализации страны, — рабочие, инженеры, хозяйственники и конструкторы, новаторы производства.

Учёные и шахтёры, академики и колхозники, маршалы и учителя, художники и писатели, моряки подводного плавания, завоеватели воздушных пространств, покорители Арктики, завоеватели новых высот в технике, сельском хозяйстве, науке и искусстве — лучшие из лучших советских людей — отмечены орденом Ленина.

Орден Ленина был вручён товарищу И. В. Сталину в день его 60-летия в связи с присвоением ему звания Героя Социалистического Труда за исключительные заслуги в деле организации большевистской партии, создания советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза.

7250 человек были удостоены этой высшей награды в годы сталинских пятилеток.

В годы войны советские люди явили миру невиданные примеры героизма на фронте и в тылу.

За мужество в бою и самоотверженность в труде в дни Отечественной войны орденом Ленина награждено 35 636 человек.

За 15 лет орденом Ленина награждены 42 886 человек.

Высокой награды удостоились 389 коллективов.

Орденом Ленина награждён город Ленинград за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в условиях вражеской блокады. Орден Ленина на знамёнах Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Узбекистана, Башкирии, Абхазии, Татарии, Чувашии, Московской области.



Владимир Ильич Ленин.

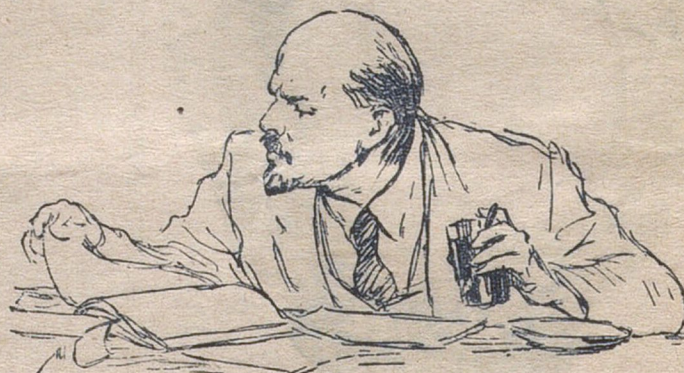
Рисунок лауреата Сталинской премии военного художника И. И. Жукова (студия имени Грекова).

Ленин

Рисунки лауреата
Сталинской премии
военного художника
Н. ЖУКОВА
[Студия им. Грекова].



«Теперь земля наша».

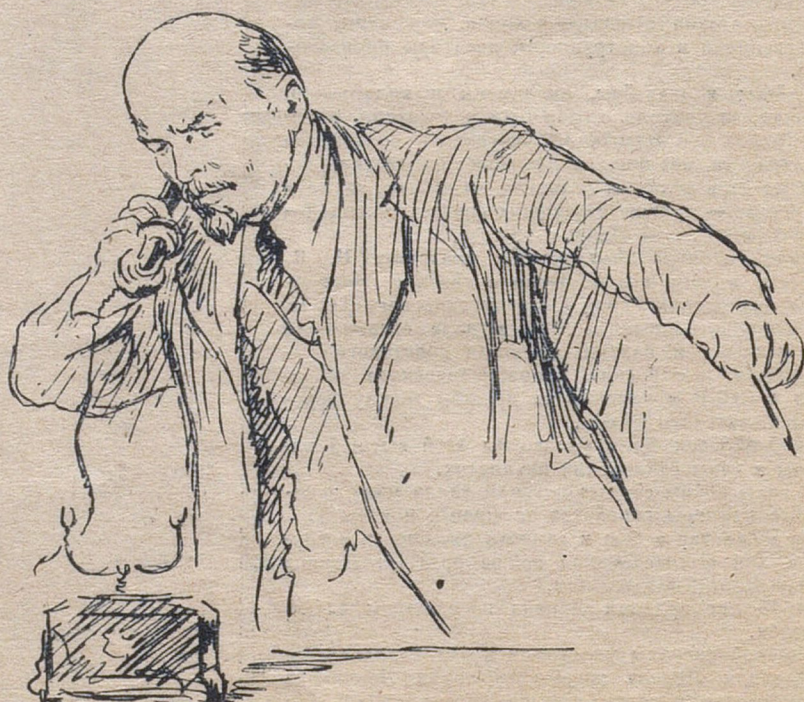


«В минуту отдыха».



Н. Ж.

«В Разливе».



«Одну минутку».

РОДНОЙ ДОМ

Лев Кассиль

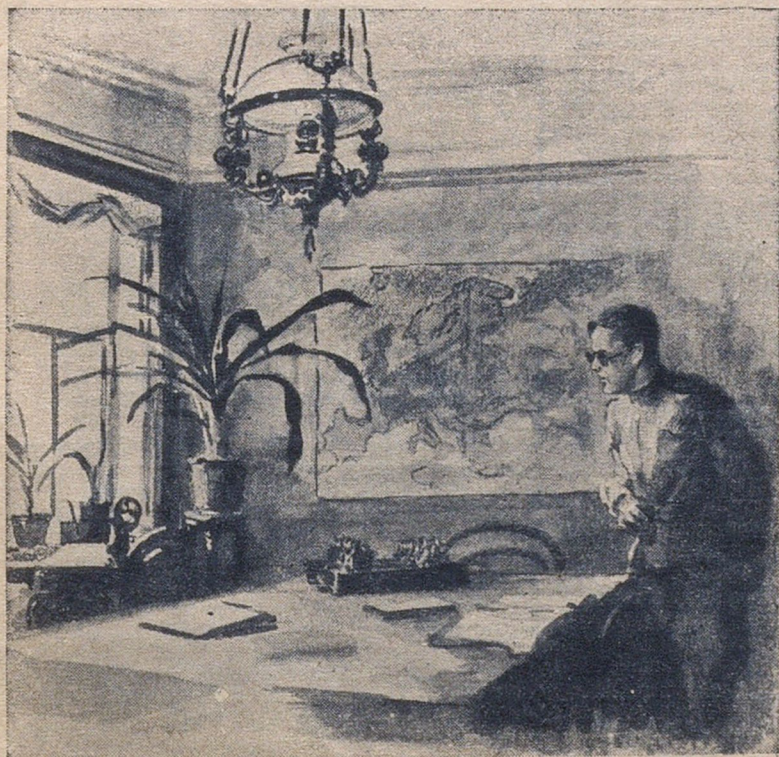
Рассказ

С той минуты, когда Василий Карпукхин узнал, что его мать, жена и сынишка убиты немцами и родной дом в городе Калинин сожжён до тла, с той страшной минуты Василий Карпукхин, как ему казалось, потерял всякий интерес к жизни. Ранение у него, у самого, было серьёзное — ему грозила слепота. И то письмо из города Калинина читал он не своими глазами — прочёл его вслух раненый артиллерист с соседней койки. Василий давно с тяжёлым нетерпением ждал ответа на свой запрос. Он несколько месяцев ничего не знал о семье. Каждый день спрашивался он, нет ли весточки из города Калинина, куда он просил написать, как только попал в госпиталь. И вот пришёл ответ...

Артиллерист с соседней койки был из числа так называемых ходячих больных; он любил посплозничать по коридору, гостевал в чужих палатах, заходя в комнаты сестёр, поэтому он натолкнулся у входных дверей на письмоносеца, спросил, нет ли ему писем, а потом осведомился насчёт Карпукхина. И получив письмо для Василия, широко прыгая на костыле, ворвался в палату: «Танцуй, Карпукхин...»

Он уже сам был не рад потом, что стал по просьбе Василия читать вслух письмо, но было уже поздно. Самое страшное он прочёл. Ему за это потом крепко влетело от врача, но делать было уже нечего. Василий всё узнал.

С этого дня жизнь ему как бы опротивела. Он почувствовал себя бездомным, до ужаса одиноким. Всё вокруг стало пустым, неужным. Такая тяжкая тоска находила на него, что иной раз безразлично ему было, вернётся ли ему зрение или не вернётся — всё равно, глаза бы не глядели на этот словно обезлюдевший и сумрачный мир.



Вот за этим столом собиралась вечерами под лампой семья, которую так хорошо помнил с детства Василий...

Его возили из города в город, из госпиталя в госпиталь. В те дни война глубоко вгрызлась в нашу страну. Немец далеко зашёл в Россию. Госпитали часто переезжали. И хотя с глаз Василия уже давно сняли повязки — он носил теперь чёрные очки, — эта частая перемена места проходила для него незаметной; всё вокруг казалось однообразно схожим, тусклым, бесцветным, безразличным. Мир за тёмными очками выглядел словно закоптелым — и до смерти надоевшие халаты сестёр и неизвестного цвета, то шершавые, то гладкие стены госпитальных палат. В голове у Василия уже спутались названия городов, где ему пришлось лежать в госпиталях. Да и вообще всё это его перестало интересовать. До потрясения, в горе оступившего сознания смутно дошло, что завезли его куда-то на Волгу. Но до этого он уже лежал в одном волжском госпитале, а где он теперь, в Казани ли, в Чебоксарах, в Кинешме, — ему было всё равно. Глаза у Василия тем временем хорошо поправились. В палате ему уже разрешалось ходить без тёмных очков. Но на душе у него от этого не посветлело. Другие «ходячие» выпрашивали отпуск в город, приходили с мороза весёлые, возбуждённые, говорили о девушках, с которыми завели знакомство; рассказывали, как дразнили на высоком волжском берегу «айдатиков», так шутя прозывали местных жителей за частое употребление слова «айда». Бывали в кино. Но в кино Василию из-за его неокрепших глаз ходить было ещё нельзя, а девушки его совершенно не занимали. Он жил погружённый в своё сумрачное горе, молчаливый, замкнутый. Надев тёмные очки, отсиживал, сколько положено, на скамейке в маленьком двориковом скверике у госпиталя. Напрасно только что принявшая палату новая, молоденькая военврач Зинаида Григорьевна пыталась его расшевелить:

— Опять один, Карпукхин? Вы бы пошли с больными погулять... Поглядите, ваши товарищи не дремлют, они бывают в городе, в гостях.

— Нет у меня родного дома, — отвечал Василий.

— Нет, так будет.

— Нет у меня больше родного дома на свете, — жёстко повторил Василий, — нет и быть не может.

— Ну, хотя бы так погуляли по городу, — не унималась Зинаида Григорьевна, — город ведь у нас очень интересный.

— Чем он такой интересный?

— Как — чем? — обиделась Зинаида Григорьевна, — вы что, не знаете, чем наш город знаменит?!

— А и не знаю толком, что это за город.

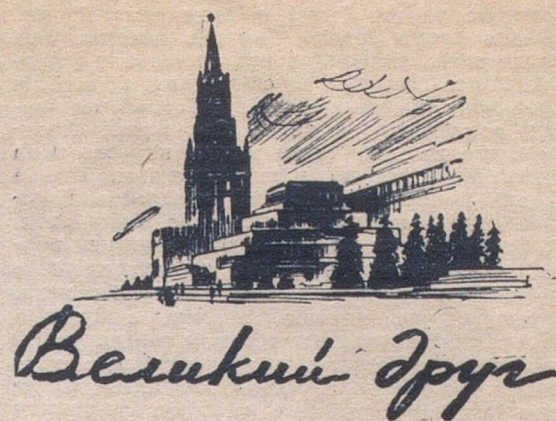
— Как так не знаете? — изумилась военврач. — Вы это серьёзно?

— А что мне знать. Для меня всё одно и то же.

Зинаида Григорьевна внимательно посмотрела на него. Да, видимо, он не лгал. Для его истомлённого горем сознания безразлично было, в каком городе он сейчас находится. И Зинаиде Григорьевне пришла в голову неожиданная мысль, от которой она сама разволновалась.

— Послушайте, Карпукхин, — сказала она. — А если со мной, — пойдёте? Ну, хотите, я вас сама сведу в один знакомый дом. Да, да, и для вас знакомый! Ручаюсь вам. Хотите?

Не сразу удалось Зинаиде Григорьевне уговорить Василия. Но потом он всё-таки со-



Великий друг

Сергей Васильев

Красная площадь! Ты так близка мне. Здесь ели шепчутся, как живые, здесь, будто высеченные из камня, стоят суровые часовые.

Благоговейно, в молчаньи строгом, медленно я прохожу пред ними. И так же медленно, слог за слогом, произношу дорогое имя.

Ленин! Ликующий луч восхода над вешней ширью земли свободной. Ленин! Звезда моего народа, навеки ставшая путеводной.

Беликий друг наш! Ты всюду с нами: В огне труда и в огне сраженья. Имя твоё — это наше знамя, знамя нашего наступленья.

гласился. И они пошли. Зинаида Григорьевна взяла его под руку. Была она маленькая, её ушанка колыбалась где-то около плеча рослого Василия. Они шли по неширокой улице, загромождённой сугробами. Встречались военные моряки, вольные, ребята, бабы с салазками. И все уступали дорогу и оглядывались на высокого командира в дымчатых очках, которого бережно вела под руку молодая, хорошенькая женщина в солдатской ушанке.

— Ну, Карпукхин, пришли, — строго и с заметным волнением сказала, наконец, Зинаида Григорьевна и очень тщательно обила валенки на крылечке небольшого домика с мезонином. — Входите, снимайте очки, может быть, и у вас есть тут знакомый дом, Карпукхин.

Карпукхин с удивлением взглянул на неё. Станным показались её волнение и какая-то торжественная значительность в голосе. Невольно и сам он почувствовал что-то, давно не посещавшее его.

Они прошли через холодные сенца-галерею. Зинаида Григорьевна открыла тугую дверь и пропустила Василия вперёд. На него сразу пахнуло тихим уютным теплом хорошо протопленной квартиры. Он вошёл, снял очки, пригляделся. Налево была маленькая кухня, вешалка, направо через дверь виднелась уютная, просто убранная гостиная, оклеенная скромными обоями, с длинным тёмно-красным старинным роялем. Пожилая женщина вышла навстречу, поздоровалась с Зинаидой Григорьевной. Василий разделся, повесил шинель, ещё ничего не понимая, прошёл за Зинаидой Григорьевной через эту гостиную в другую комнату. То был, видимо, кабинет; тут стоял письменный стол с простым письменным прибором; за стеклом небольшого шкафа старые книги, учебники. С фотографии на столе смотрело лицо какого-то очень знакомого человека, с умным высоким лбом, угловатыми скулами, полными губами над тёмной бородой и широкими ноздрями слегка вздёрнутого носа. И вдруг Карпукхина охватило какое-то сладкое и ещё не понятное волнение. Ему показалось, что

Рисунок Г. Балашова

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

Ц. Солодарь

ДОРОГИ ВЕДУТ НА БЕРЛИН

Хранителем счастья великой державы
Стоит полководец у карты в Кремле.
Полки, озарённые сталинской славой,
Пронесут победу по вражьей земле.

До сердца страны ненавистной добраться
Войскам повелел наш народ-исполих:
Уральцев, волжан, москвичей, сталинградцев
Дороги ведут на Берлин!

Верны патриоты священной долгу
И ратным знамёнам родимой земли.
Они, отстоявшие русскую Волгу,
Далеко за Одер немецкий ушли.

Сметает насильников говор орудий,
И натиск пехоты, и танковый клин.
Идут по дорогам бесстрашные люди, —
Дороги ведут на Берлин!

И в яростный голос карающей стали
Вплетается русское наше ура,
Чтоб Эльба и Шпрее скорее узнали
Солдатскую славу Днепра и Днестра.

Возмездье несут на штыках патриоты
За горе, за слёзы, за груды: руин.
По рельсам, по тропам, по топким болотам
Дороги ведут на Берлин!

Вперёд! Нас ведёт в наступление Сталин!
И гордо вещает московский салют,
Что русские прусских отменно бивали,
Что русские прусских сильнее ещё бьют.

И сложат немало в веках поколенья
Прекрасных сказаний, легенд и былин
О людях, которых сейчас в наступленье
Дороги ведут на Берлин!

ВЕСНА

Весну на чужбине встречает солдат.
Он слышит: чужие деревья шумят
И глухо волнами стучит в берега
Река, что вспоила врага.

Солдатские мысли с любимой страной
И с краем отцовским, где прошлой весной
Пришельцы топтали лужайку и сад
У дома, где вырос солдат.

Солдатские мысли с желанной женой:
Голубка, она ещё прошлой весной
В дому у себя полонянкой была
И трепетно воли ждала.

В ненастную осень пришла к ней весна —
И в доме свободном свободна она.
И с мужем на тропах чужой стороны
Все мысли солдатской жены.

И с матерью рядом зелёным лужком
Сыниска пройдёт с первомайским флажком,
Пять звёзд на груди нацепивши подряд —
По счёту отцовских наград.

За праздник сегодняшний в доме своём
Проходит солдат сквозь огонь под огнём —
Огнём, опалившим сады и луга
Земли, что вскормила врага.

Над робкой листвою знамёна шумят,
Идёт победитель — советский солдат.
За счастье в родном, возрождённом краю
Весну он встречает в бою.

он уже не раз бывал в этом доме. Давно. Очень давно. Может быть, в детстве. Всё было здесь знакомым, всё что-то напоминало. И эта гостиная со старинным роялем, и школьная модель с Землёй и Луной на шкафу в кабинете, и небольшая тихая столовая, где на углу стола ждали первого хода расставленные на доске шахматы. Что-то очень родное, до мелочей известное, близкое сердцу и нужное было во всём этом. Таким умным и несуетливым радушием веяло из каждого уголка. Вот за этим столом собиралась вечерами под лампой семья, которую так хорошо помнил с детства Василий. Маленький лобастый светлоглазый гимназист в аккуратном мундирчике, с полными, как у отца, губами и большими, широко смотрящими на мир глазами склонялся над шахматами. Спокойный свет струился из-под абажура. Выходил из своего кабинета с книгой в руке высокий, бородатый человек, одетый в мундир инспектора народных училищ, подсаживаясь к шахматам. Мать разливала чай, девочки Оля и Аня искали на большом глобусе неизвестно куда задевавшую гору Гауризанкар, такую, говорят, высокую, что, должно быть, и старший брат Саша побоялся бы съехать с её вершины на коньках, как это он делал не раз на крутом волжском взвозе. И меньшей братишка Митя мешал шахматистам обдумать ход, приставал к Володе, чтобы тот пропел ему «Козлика», но только чтобы пел нестрашно. А то Володя любил пугать малыша и нарочно делал ужасное лицо, когда доходило до того места, где «напали на козлика серые волки...» А потом тут же и во всех укромных уголках начиналась возня — упойтельная, смешная, таинственная игра в «брыкаски».

Да, да, всё это происходило тут, в этой комнате, и всё это было для Василия родным, знакомым, словно и сам он жил в детстве, и сейчас приехал сюда, как приезжал на каникулы в свой родной дом. Он оглядывался, касался осторожно рукой знакомых, где-то уже не раз виденных вещей.

— Это мы где же?.. — спросил он, ещё не во всём уверившись.

— Узнали? — спросила его в свою очередь Зинаида Григорьевна. — Ну, разве не родной дом?

— Родной, — отвечал Василий. — Верно, что родной. Ведь это же всё мне по книжкам, по картинкам с детства известно. Ведь я тут каждый уголок знаю. Тут вот должна быть из коридора лесенка наверх. Верно? А там, наверху, ещё комнатка, где Владимир Ильич, когда в гимназии учился, жил. Рядом там Александра Ильича комната.

И, опередив Зинаиду Григорьевну, он легко взбежал по узенькой лестнице с тонкими фигурными перильцами. В низенькой светёлке, на антресолях, он долго, благоговейно, молча, обматривая небольшой ученический столик, за которым занимался когда-то Володя Ульянов, потом подошёл к окну. И всё, что было там, в морозном дне за этим окном, выглядело теперь для Карпухина совсем по-иному. И заснеженные крыши, и тихая улочка, по которой шли красноармейцы, и дымки над городом, в котором, как он теперь знал, родился Ленин. Так вот эта комнатка, где, уединившись, маленький Ленин задумчиво вчитывался в книги, ища сквозь строчки их дорогу к великой, единственно верной правде, к справедливому счастью для всех людей на земле. Здесь сидел он, погружённый в тяжёлые думы, когда умер отец, когда погиб брат, казнённый царём. Карпухин перебирал книги на этажерке, вглядывался в фотографии, бродил из комнаты в комнату. В глазах его уже поблёскивала такой живой огонёк, что Зинаида Григорьевна могла только радостно подивиться этой удивительной перемене, внезапно произошедшей в её пациенте.

— Вы не устали, Карпухин? — спросила она, больше по обязанности, так как видела, что Карпухин может ходить ещё по дому не один час.

— Нет, нет! — испуганно проговорил он. — А разве уже пора? Честное слово, Зинаида Григорьевна, просто удивительное дело... Вот уж не думал я, что попаду сюда. Ведь вы поймите, Зинаида Григорьевна, всё у меня погибло — жена, сынишка, мать... Дом родной сторел, ничего, будто, не осталось... А вот про этот дом забыл. А он стоит и вечно стоять будет. Вот уеду я опять на фронт, а буду знать: есть на свете дом, который для меня свой, родной. У каждого человека должен быть адрес свой, куда писать, свой дом в жизни, дом, по которому на чужбине томишься, который во сне видишь, а ведь из этого самого дома все мы вышли. По крайней мере, я так чувствую.

Когда они шли обратно в госпиталь, Зинаида Григорьевна всю дорогу тихонько дивилась про себя: словно преобразился Карпухин. У него и походка стала теперь совсем иной. Он задорно поглядывал на встречных «айдатиков», немножко задержался у военного училища, где девушки терпеливо поджидали курсантов, которых должны были в этот субботний вечер отпустить в город. Всё теперь приобрело смысл, интерес, цель. Карпухину казалось, что он побывал в доме, роднее которого не осталось у него теперь на свете.

Он пришёл в домик Ленина и на другой день, прошёл по всем комнатам вместе с экскурсией моряков, а потом ещё раз с группой каких-то командировочных... Карпухин стал бывать теперь в домике каждый день. Его уже тут все знали. И однажды, когда заболел экскурсовод, Василий сам провёл посетителя по всем комнатам ленинского домика и с такими подробностями, так увлекательно рассказал о семье Ульяновых, о том, каким был маленький Ленин, что экскурсанты — то были эвакуированные из Брянска школьники — долго его не отпускали, а самый маленький школьник спросил у Василия: «Дядя, а вы тут тоже сами жили с Лениным?»

Потом, совсем оправившись, Василий уехал снова на фронт.

* * *

Эту историю я услышал недавно в Ульяновске. Я посетил домик Ленина и долго ходил по комнатам, таким знакомым для каждого из нас по книгам, фотографиям, картинам. Здесь мне и рассказали о Василии Карпухине. Сообщили, что теперь он уже майор, воюет далеко, но аккуратно пишет в Ульяновск. Мне показали его последнее письмо.

«Пишу это вам в одном немецком доме, — писал Карпухин. — Далеко это от Ульяновска, очень далеко. Вот куда занесла нас солдатская судьба. Но мы на неё не в обиде — хорошая судьба! И вот сижу я в немецком доме, всё здесь немцы побросали, всё оставили. Сижу я за столом, за которым, видимо, учился ещё недавно какой-то немецкий пацёнок. Вот и фотография его осталась. По форме, видать, эсэсовец. На стене карта СССР. А на ней путь прочерчен под самую Москву. И около Гомеля крест проставлен. Видно, лежит там хозяйчик этой карты на разливном полевом погосте, как у немцев заведено. И знаю я, товарищи, что пришёл я сюда в эти чужие края и в этот дом вошёл, чтобы начисто покончить с той гнусью, которая отсюда напозла на нашу землю и намеревалась убить всё, чем мы живём и дышим; задавить всё, что родилось, что зрело в тихой ученической комнатке на антресолях симбирского домика, всё, что оттуда, пройдя через студенческие сходы, через ссылки, богатырски пробило днище старого мира и встало головой до самого неба, — светоносное, непобедимое и вечное».

Я перечитал ещё раз это письмо, всмотрелся в лица посетителей, задумчиво двигавшихся по тихим комнаткам, в которых вырос Ленин, и понял всё, что увидел, что пережил здесь Василий Карпухин.

Ульяновск.

Командир белорусской партизанской бригады Николай Юлианович Баранов возглавил Дзержинский райисполком вскоре после того, как город и весь прилегающий к нему район очищены были от немецких захватчиков. В первый день освобождения Дзержинска Баранов представлял здесь советскую власть, — правда, при обстоятельствах, не вполне благоприятных для мирного труда. Дело в том, что его бригада, прорвавшись в тыл к немцам, выбила их из города и до подхода регулярных частей Красной Армии четыре дня удерживала Дзержинск.

Это был смелый рейд. Партизаны освободили город, не позволив немцам сжечь его до тла. Много зданий было уже взорвано и сожжено, но многое партизаны успели спасти. Особенно ценным было предотвращение взрыва заминированной электростанции.

Впервые за три года партизанской борьбы Баранов принялся спасать горящие здания и имущество, потому что всё это теперь снова принадлежало народу и надо было уберечь от гибели дома, склады, мельницы, хлебозаводы, подожжённые немцами.

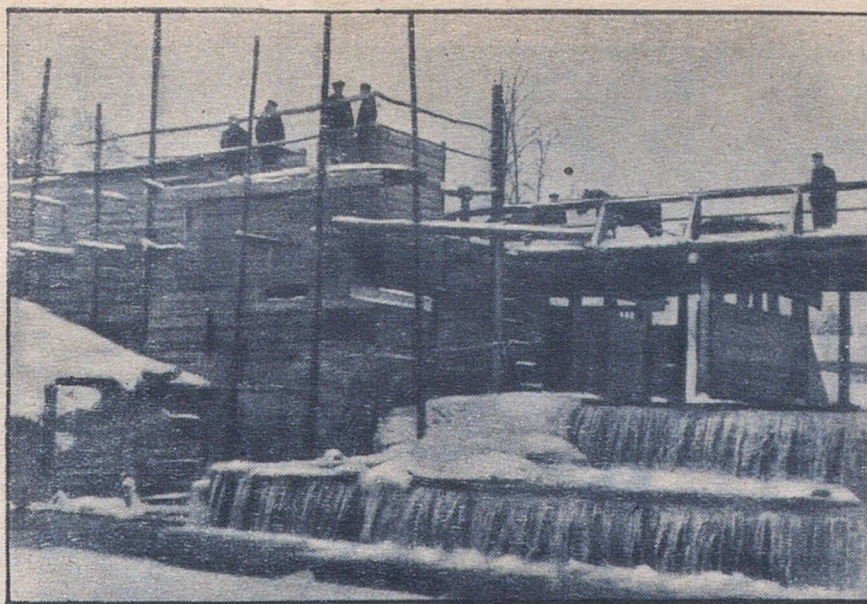
В тот горячий июльский день Баранов не думал, что на улицах Дзержинска закончится его многолетний путь воина и тут же начнётся новая страница его биографии. Он был уверен, что его пошлют добывать немцев там, откуда они пришли. Себя он считал человеком, приспособленным только к воинскому труду, потому что война застала его в должности командира артиллерийского дивизиона, затем свела с партизанами, которым он во многом помог и сам у них многому научился.

Но именно это обстоятельство, казавшееся ему менее всего пригодным для «штатских» дел, расценили как весьма полезное преимущество будущего председателя райисполкома.

— Ты, брат, человек военный, научился людей сколачивать, поднимать их на большие дела, — сказали ему в области. — Теперь тебе все карты в руки. Поставь на ноги район.

И вот он на том месте, где ещё не остыли следы уличного сражения. В центральной части города, там, где перед войной построены были новые каменные здания, стояли теперь слепые стены выгоревших домов.

О том, что натворили немцы в районе, ему известно было ещё в то время, когда его бригада оперировала в соседних Копыльских лесах. К десяти



Восстановление разрушенной немцами электростанции в колхозе «Новый шлях», Минского района.

Фото А. Карницкого.

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОЙ ЗАКАЛКИ

И. Осипов

сожжённым деревьям добавились теперь ещё две: три из них со всем населением были совершенно уничтожены, фермы, машинно-тракторные станции, школы разрушены во всём районе. В каждой деревне остались люди, лишённые крова.

Годы борьбы с немецкими захватчиками научили Баранова точно определять главную задачу в любой операции. На языке войны это называется стратегической целью. На заседании райисполкома, в беседах с колхозниками эту первостепенную задачу он выразил такими словами: «Надо как можно быстрее восстановить экономическую базу колхозного хозяйства».

Для разрешения этой сложной задачи требовалось в первую очередь построить новые дома для колхозников и восстановить машинно-тракторные станции и городскую машинно-тракторную мастерскую.

Несколько дней Баранов провёл в разъездах по району, устанавливая на

месте, что можно сделать для возрождения. От двухсот сорока тракторов осталось несколько разбитых моторов, безнадёжно изувеченные ходовые части «ЧТЗ» и гряда обломков, почти утративших сходство с тракторными деталями. Баранову удалось найти механиков, которые подобно ему самому обладали незаурядной настойчивостью, — и из этих обломков и ржавого железа возродились двадцать четыре трактора.

Минули две недели — и в сводке строительства колхозных домов появилась первая двузначная цифра — «15». Так, с восстановления машинно-тракторных станций и строительства новых домов для разорённых немцами колхозников началось в районе возрождение экономической базы колхозов.

И в самом городе отыскались энергичные люди, в короткий срок поднявшие из развалин предприятия местной промышленности. Бывший

партизан Шапиро, бежавший из минского гетто и сражавшийся в рядах партизанской бригады против немецких оккупантов, восстановил дзержинский райпромкомбинат. Вскоре пушены были четыре мельницы, деревообделочный завод, гончарная и бондарная мастерские, начались работы по восстановлению кирпичного завода.

Особенно отрядным было то, что стала оживать машинно-тракторная мастерская — гордость дзержинцев. Первым заработал кузнечный цех, за ним вступила в строй основная мастерская по ремонту моторов. Настал день, когда снова, как в довоенные времена, привезли в Дзержинск из других районов несколько тракторных моторов и механики приняли первый заказ.

Каждый день то на одном, то на другом участке широкого фронта восстановительных работ объявлялись в районе люди, энергично возрождающие жизнь на разорённой врагом земле. Так, на свой риск и страх, не дожидаясь особых решений и согласований, начал восстанавливать кожевенное производство вернувшийся из родные места партизан Дубовик. До войны он был кожевником. Обнаружив разбитый и разворованный немцами завод, Дубовик собрал в деревнях необходимое сырьё, раздобыл потребные для дубления кож материалы и пустил предприятие в ход. Первая продукция завода пошла на полшубки и сапоги для разъезжающих по району врачей.

На обширной территории района не сразу заметишь все изменения, какие произошли здесь за несколько месяцев, да не сразу и совершались они. Чернеет ещё много пустырей там, где стояли сожжённые немцами деревни, развалины взорванных домов ещё обезображивают городские улицы. Но вот несколько цифр, выражающих возрождение жизни на освобождённой земле. В колхозах созданы заново 52 фермы крупного рогатого скота, 84 овцефермы, 36 птицефермы. Восстановлено четыре машинно-тракторных станции. В двести новых домов переселены из землянок девятьсот человек. Все колхозы подготовились засеять столько же земли, сколько они засеивали в предвоенную весну.

В Указе Верховного Совета СССР о награждении Баранова орденом Отечественной войны I степени сказано, что мирная, созидательная работа, которую ведёт он на освобождённой земле, заготовляя хлеб, «приравнивается по своему значению к фронтовой работе».



КРАСНАЯ АРМИЯ ВЕРНУЛА ИМ СВОБОДУ. Солдаты Польской армии, томившиеся в немецком плену с 1939 года, восторженно приветствуют своих освободителей.

Фото М. Щепкина.



В. И. Ленин смотрит фильм о гидроторфе (27 октября 1920 года). Сидят — тт. Крупская, Андреева, Горький, Красин. Стоят — Дзержинский, Ленин, Классон.

Картина худ. Д. Налбандяна

ВО ВСЕМ ГЕНИЙ ЛЕНИНА!

Фёдор Вейтков

Наша страна обладает мировыми запасами торфа — этого важнейшего вида местного топлива.

Первые опыты добывания торфа производились в Воронеже по приказу Петра I ещё в 1696 году. Но вплоть до 1920 года наша торфяная промышленность оставалась в значительной мере кустарной, слабо механизированной, с тяжёлым, измучительным трудом.

Особое значение торфа для Советской страны, для её электрификации гениально предугадал вождь Октябрьской революции В. И. Ленин.

Благодаря Ленину и Сталину торфяная промышленность в нашей стране получила грандиозный размах. Ежегодно советские торфяники добывают десятки миллионов тонн прекрасного торфа, на котором работают такие электростанции, как Шатурская, Горьковская, Свердловская, Ивановская, Ярославская.

Добыча торфа на советских торфопредприятиях почти полностью механизирована. Наибольшее распространение получил «способ гидроторфа», т. е. добыча торфа путём размыва торфяного массива высоконапорной струей воды. Этот замечательный способ изобрёл выдающийся электрификатор русский инженер Р. Э. Классон, которого близко знал Ленин.

В публикуемом очерке рассказано о том, как 25 лет назад В. И. Ленин впервые познакомился со способом гидроторфа и настойчиво пропагандировал его внедрение.

Морозную зиму 1920 года мучительно переживали города молодой республики. Бумагой, щепой и остатками дров люди стремились хоть немного обогреть свои нетопленые квартиры.

В советской столице — Москве — было ещё тяжелее. Здесь совершенно не было никакого топлива, но электричество в квартиры подавалось. Электрический свет давала станция «Электропередача», расположенная в 85 километрах от города. Эта станция не сжигала ни кусочка угля или дров, она работала на торфе. Энергия этой первой в мире торфяной электростанции шла для советских фабрик и заводов, работавших на оборону.

О торфе для республики непрерывно заботился Владимир Ильич Ленин, и он придавал огромное значение гидроторфу, изобретённому инженером Классоном.

Ленин считал, что классоновский способ добычи торфа — это настоя-

щая техническая революция. Людям больше не нужно будет весь день стоять в топке, кишасе комарами болоте, навсегда они будут избавлены от колтуна, ревматизма, болотной лихорадки и язв на ногах. Будет ликвидирована самая мучительная, каторжная работа, которую прежде делали лишь бесправные рабы, гонимые нуждой и голодом.

По поручению Владимира Ильича, летом 1920 года на Шатурское болото выехал кинооператор Ю. А. Желябужский. Он заснял на плёнку опытную работу по новому, классоновскому способу добычи торфа («способ гидроторфа»). Это был первый производственный фильм, снятый советскими операторами.

И вот 27 октября 1920 года, в круглом Кремлёвском зале, где обычно заседали партийные съезды, состоялся киносеанс.

Посмотреть фильм о новых, оздо-

вующееся изобретение инженера Классона пришли А. М. Горький, Л. Б. Красин, Н. К. Крупская, Ф. Э. Дзержинский, партийные работники, выдающиеся специалисты, учёные, журналисты.

Владимир Ильич стоял возле Классона и внимательно следил за фильмом. На лице Ленина, слегка освещённом лучами проекционного фонаря, застыла улыбка восторга перед великим изобретением, облегчившим людям их тяжкий труд.

— Чудесно! Ничего более интересного никогда не видел! — несколько раз повторил вслух сидевший рядом Алексей Максимович.

Великий писатель хорошо знал страдания рабочих торфяной промышленности и искренно восхищался творением Классона.

А на экране проходил замечательный фильм о гидроторфе.

... Мощная водяная струя, легко направляемая одним человеком, вгрызается в торфяной массив болотного берега. Размытая струёй чёрно-коричневая масса стекает в канаву. Пни и корни, оплетающие болото, всплывают наверх. Электрический кран легко извлекает их и переносит на берег...

... Машина-торфосос опустила своё жадное горло-шланг в торфяную жидкую массу. Гидроторф течёт уже по трубам, а потом разливается на заранее приоткрытом поле. Вода просачивается в землю, и тонкий слой торфа быстро сохнет под лучами летнего солнца. Потом по полю медленно проходит машина, похожая на гусеничный трактор. Она аккуратно режет чуть подсохшее торфяное поле на ровные кирпичики...

На экране проходят заключительные кадры фильма.

... По узкоколейке паровоз «кукуш-

ка» резво мчит десятки вагончиков. В них грузятся торфяные кирпичики. Потом «кукушка» бежит к электрической станции. Из вагончиков торф сыпается в огромные железные сараи-бункера. Из бункеров по трубам рукавам торф сыплется на раскалённую решотку котельной топки и здесь рождает нужную стране электрическую энергию...

Легко и красиво всё это было изображено в фильме. Но Владимир Ильич знал, как много труда затратил инженер Классон, чтобы прийти к этому изобретению. Сотни опытов, беспрестанная напряжённая работа конструкторской мысли, тысячи неудач, выступления маловеров и консерваторов против гидроторфа... Тогда на защиту этого способа торфодобычи стал сам Ленин.

— Нужно всемерно помочь Классону осуществить гидроторф! — говорил в тот вечер Ленин после просмотра фильма, а ночью своей рукой написал директивное письмо Главлорфу об огромной важности для страны этого изобретения.

А через два дня (в субботу, 30 октября 1920 года) Владимир Ильич созвал специальное заседание Совнаркома и сделал доклад о необходимости скорейшего внедрения изобретения Классона.

Решено было всячески помочь продвижению классоновского способа, быстро заказать нужные машины, произвести дальнейшие опыты.

Владимир Ильич сам и через своих помощников следил за новыми успехами гидроторфа.

Ведь торф, необъятными запасами которого так богата страна, нужен был как база для электрификации. Поэтому так горячо и убеждённо говорил Владимир Ильич в своём докладе на Восьмом всероссийском съезде советов о торфе.

«Я должен сказать, — говорил Ленин, — что в области топлива мы имеем один из крупнейших успехов в виде гидравлического способа добывания торфа. Торф, это — то топливо, которого у нас очень и очень много, но использовать которое мы не могли в силу того, что нам приходилось до сих пор работать в невыносимых условиях. И вот этот новый способ поможет нам найти выход из того топливного голода, который является одной из грозных опасностей на нашем хозяйственном фронте...

Я советовал бы товарищам делегатам посмотреть кинематографическое изображение работ по добыванию торфа, которое в Москве было показано и может быть продемонстрировано для делегатов Съезда. Оно даст конкретное представление о том, где одна из основ побед над топливным голодом...»

Так зарождалась техника мощной советской торфяной индустрии, дающей теперь стране ежегодно десятки миллионов тонн топлива для крупных электростанций.

* *

В день 75-летия рождения В. И. Ленина на многих торфопредприятиях начинается сезон. Радостными салютами прозвучат первые взрывы глубоко промёрзших и ещё не оттаявших торфяных пластов. Одновременно это будет салют и доблестной Красной Армии, ведомой от победы к победе великим Сталиным.

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Л. Волынский

20 апреля 1945 года

ПОСЛЕДНИЕ РЕШАЮЩИЕ БОИ

Вторая апрельская декада войдёт в историю как начало последних, решающих боёв за разгром гитлеровской Германии. Пространство, на котором зажаты немецко-фашистские армии, катастрофически сократилось: лишь узкий коридор в центре Германии соединяет северные остатки «великогерманской империи» с её южными районами.

17 апреля на Одере и за Одером послышались раскаты новой бури. Центральная группа советских войск предприняла совместно с польскими войсками силовую разведку, которая в течение трёх дней переросла в бои по захвату и расширению плацдармов на реках Одере и Нейссе. В ходе этих операций наши войска форсировали Нейссе и овладели городами Форст, Мускау, Вейсвасер, а войска 2-й польской армии заняли город Ротенбург. На Одере части Красной Армии захватили и расширили плацдарм западнее Кюстрина. 20 апреля наши войска, прорвав укрепленные позиции противника на западном берегу Нейссе, продвинулись вперёд на 15 километров, вышли на реку Шпрее, переправились через неё и подошли к городам Бауцен и Каменц (в 32 километрах к востоку от столицы Саксонии — Дрездена). К западу от Одера части Красной Армии, преодолев мощные укрепления немцев, овладели городами Бад-Фрейенвальд и Врицени, стали с боями продвигаться к пригородам Берлина. Враг понёс здесь огромные потери.

В боях на северном и южном флангах Красная Армия вывела из строя сотни тысяч немецких солдат и офицеров. В одном Кенигсберге перебито 42 тысячи и захвачено в плен 92 тысячи гитлеровцев. В боях на южном фланге советско-германского фронта враг потерял одними пленными более 130 тысяч человек. Если за первые сорок дней зимнего наступления Красной Армии немецкие войска потеряли 1150 тысяч убитыми и пленными, то сейчас, после серии новых поражений

и ликвидации десятка «котлов», потери врага, несомненно, удвоились.

Так обстоит дело на советско-германском фронте в отношении живой силы противника. Потери его в военной технике поистине грандиозны.

На Западе продвигающиеся союзные армии очистили от немцев, не встречая организованного сопротивления, почти всю Голландию и приблизились к северным германским портам Эмдену, Бремену и Гамбургу. В центре они заняли всё пространство от реки Везера до реки Эльбы и пересекли водные рубежи Заале и Мульде (в её верхнем течении). Танки союзников катятся по Саксонии и Баварии. Всё короче становится расстояние, отделяющее их от наступающих советских войск, ломающих ожесточённое сопротивление противника.

Нацистская Германия вплотную стоит перед перспективой разрыва на части. Немцы в Дании и Норвегии могут оказаться совершенно отрезанными от своего фатерлянда. Всё, что останется от их войск в этих странах, обречено на истребление либо плен. Сжимающиеся тиски двух фронтов угрожают изоляцией южного фланга гитлеровцев.

В «ЮЖНОЙ КРЕПОСТИ» ВРАГА

В одной из своих напыщенных речей Гитлер обещал немцам, что 1918 год не повторится, что немецкие фашисты не сложат оружия даже после того, как пройдёт двенадцатый час, и будут драться до «пятой минут первого». Он строил расчёты на том, что фашистским разбойникам удастся даже после их разгрома в Северной и Центральной Германии укрыться в их «южной крепости» и затянуть войну на территории Австрии, в гористых районах Чехословакии, в Южной Баварии. Этим объясняется ярость, с которой отстаивали немецкие войска каждую пядь земли в Западной Вентрии при поддержке переброшенных с Рейна многочисленных танковых и пехотных дивизий. Длительные и упорные бои, в которых противник неоднократно переходил в контратаки, завершились его жестоким поражением. Красная Армия прорвалась в «южную крепость». Сейчас у неё в тылу и озеро Балатон, и Баконский лес, и озеро Нейзидлер, и Вена, и Санкт-Пельтен. Одиннадцать немецких танковых дивизий, в том числе 6-я танковая армия СС, нашли здесь свою могилу.

Освободив Вену и продолжая громить врага, цепляющегося за водные и другие естественные преграды и за инженерные сооружения, войска маршала Толбухина идут по направлению к круп-

ным промышленным центрам Австрии — к Линцу (вдоль южного берега Дуная) и к Грацу. Вдоль северного берега Дуная, в Австрии и Чехословакии, продвигаются на запад и северозапад войска маршала Малиновского. Оставив позади Белые Карпаты и форсировав реку Мораву, они имеют перед собой в качестве ближайшей цели столицу Моравии и второй по значению в Чехословакии промышленный центр — Брно.

Чем дальше углубляется Красная Армия на своём южном фланге, тем сложнее и опаснее становится положение немецких захватчиков в Югославии, где они уже испытывают усиливающийся натиск югославских и советских войск. Угроза полного крушения нависла и над немецкими дивизиями в Северной Италии, поскольку отсюда пути их отступления проходят через австрийскую территорию.

Фронт на Апеннинском полуострове после затяжного перерыва вновь пришёл в движение. Действующие здесь 5-я американская и 8-я английская армии начали наступление от Адриатического до Лигурийского моря, пробиваясь на востоке к устью реки По, в центре — к её среднему течению и на западе — к крупному военному порту Специи.

Момент для наступления союзников в Италии избран удачно. Взаимодействие советских, югославских и англо-американских войск (продвигающихся с юга на север и с запада на восток) сулит быструю ликвидацию гитлеровской «южной крепости» вместе с её придатком в Северной Италии. Так выглядят бредовые расчёты «фюрера» на затяжку борьбы на юге.

* * *

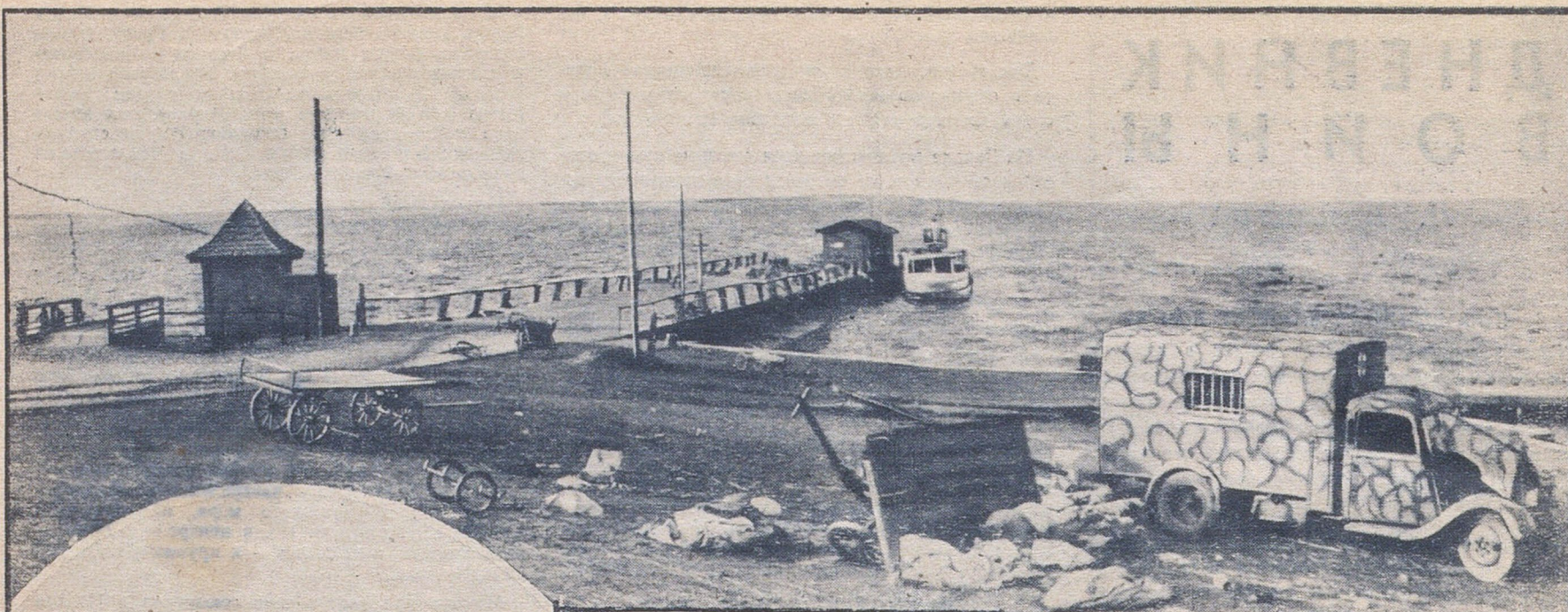
Немецким фашистам не поможет их новая «стратегия», заключающаяся в прекращении организованного сопротивления на Западе и в концентрации своих сил для последней, конвульсивной обороны на Востоке. Оставляя без серьёзной защиты свой Западный фронт, гитлеровцы следуют своей провокаторской политике: они хотят своими действиями породить недоверие и вызвать раздор между союзниками. Красная Армия, в течение ряда лет выдерживавшая всю тяжесть борьбы с основной массой гитлеровских войск, нанесёт, совместно с армиями наших союзников, последний, смертельный удар гитлеровской Германии. Советский народ до конца выполнит свою великую освободительную миссию.

Нацизм и немецкий милитаризм подвергнутся всестороннему и основательному искоренению. У гитлеровской Германии нет и не будет завтрашнего дня. Немецко-фашистским военным преступникам открыт только один путь: на скамью подсудимых.



ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И ЮГОСЛАВИЕЙ. На снимке (слева направо): г-н М. Джилас, Б. Ф. Подцероб, г-н Н. Петровиц, С. Т. Базаров, г-н И. Шубашич, г-н С. Силич, И. Броз-Тито, И. В. Сталин, А. Я. Вышинский, А. Ф. Киселёв. Подписывает Договор В. М. Молотов.

Фото С. ГУРАРИЙ



ПОБЕДА НА БЕРЕГАХ БАЛТИКИ

Фото М. Щеркина

В прорыве наших войск к Балтийскому морю танкисты генерал-полковника Богданова совершили искусный маневр. Начав наступление после сильной артиллерийской подготовки, танкисты в первые же часы боя захватили несколько населённых пунктов и, сломив сопротивление немцев, ринулись на север. Удар был настолько мощным и неожиданным, что немецкие части потеряли всякое управление и были разбиты. За четыре дня боёв танкисты генерал-полковника Богданова прошли более ста километров и вышли на побережье Балтийского моря. В результате блестяще осуществлённой операции крупные группировки немцев оказались отрезанными и прижатыми к морю. Единственный путь отступления для врага — море — находился под неослабным контролем нашей авиации.

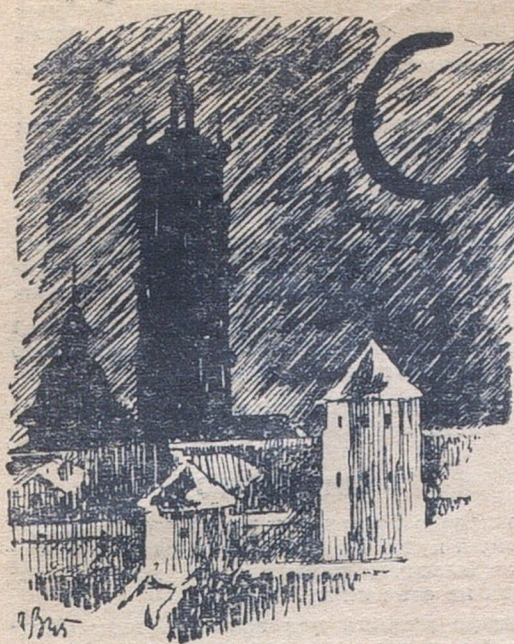


Всюду следы панического бегства немцев: брошенные автомашины, повозки, тележки. Побережье пусто (снимок сверху).

Немцев здесь уже не осталось: одни бежали морем, другие — сдались в плен. Но очень многим бандитам не удалось уйти от возмездия. Вот один из них был настигнут пулей советского бойца у самого моря (снимок справа).

Не помогли немцам ни доты, ни укрепления, ни баррикады, построенные во всех городах и населённых пунктах на побережье Балтики. На снимке внизу, слева: советские танкисты проходят забаррикадированную улицу немецкого городка.

На снимке слева, в центре: прославленный полководец гвардии генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов. Недавно правительство наградило тов. Богданова второй медалью «Золотая звезда».



Свет во мраке

Владимир Беляев

Рисунок Г. Вальки.
Фото В. Мельникова

II *

ПОДЗЕМНЫЕ ДРУЗЬЯ

Садист и палач Гжимек с рассветом обходит дома лагеря. Автомат, как всегда, наизготовке: поддерживаемый ремнём, он направлен в сторону воображаемого врага. «Король» прикладом автомата выбивает тусклые стёкла в окнах, короткими одиночными выстрелами «кончает» «нерасторопных» дворников. Часто, чтобы разнообразить управление своим «королевством», Гжимек вызывает на «плацмузик» оркестр и дирижирует им левой рукой, правой неизменно придерживая автомат.

Ему докладывают, что многие канализационные трубы забиты и что прочистить их своими силами заключённые не могут: нужны специалисты. Вот тогда-то и появляются в лагере вызванные Гжимеком по телефону из управления городской канализации знатоки львовских подземелий — «щурь каналове»¹ — бригадир Ярослав Коваль, Леопольд Буженяк и их неизменный спутник Антон Колендра, которого все за просто зовут «Тоньцю». Они единственные из жителей Львова получают от Гжимека пропуска на право свободного прохода в лагерь и с этого дня начинают приводить в порядок канализацию северных кварталов города. Старший и самый спокойный, замкнутый и серьёзный из них, отец взрослого сына — Коваль. Но по жизненному опыту, по уменью предвидеть многие опасности, которые подстерегают человека на его пути, выделяется Леопольд Буженяк.

Дитя львовских предместий, он в юности теряет отца и мать и, оставшись сиротой, молодые годы проводит на львовском дне. Его жизнь, тяжёлую и безрадостную, круто меняет приход Красной Армии.

В богатую событиями осень 1939 года многие знакомые Леопольда Буженяка наблюдают радостное превращение «батяра»² Польди. Впервые в жизни он получает работу. Слов нет, она тяжела, но Буженяк выполняет её честно, вызывая одобрение со стороны его первого в жизни начальства — советских руководителей Львовского водоканалтреста. Тружеником подземного хозяйства Львова Буженяк остаётся и во время немецкой оккупации.

На помощь канализаторам прикомандированы и заключённые, а в числе их — Хигер.

Первое знакомство сменяется более близкими отношениями. За тяжёлой и грязной работой Хигер и канализаторы узнают друг друга. Всё более откровенными становятся их беседы. Но есть запретная тема в разговорах, которой они бояться касаться. Это тема — спасение. Бедь каждого, кто согласится помочь бежать узникам гетто, ждёт смерть. Да и Хигер побаивается, опасаясь провокации, сразу посвятить Буженяка и Ковалья в свои

планы. Сколько шантажа вокруг! Приход немцев выплеснул наружу низменные инстинкты подлых людей. Те лица, кого обычно называют отбросами, подняли голову и сколачивают себе состояния на крови жертв гестапо. Сперва они прячут преследуемых, вымогают у них всё — квартиру, мебель, деньги, вещи, — но потом, когда жертва обобрана, с лёгким сердцем отдают её в руки гестапо. Да ещё с дополнительным барышом: известно всем, что за одного выданного гестапо платят пять литров водки и до пяти тысяч злотых.

Но не потеряна ещё окончательно вера в человеческое благородство. Выхода нет, и Хигер решает: он просит помощи. Он показывает место, где вырыта «галерея». Канализаторы переглядываются, мнутя. Наконец, весельчак Буженяк первый, подбадривая остальных, решает помочь Хигеру. Что думал он, говоря трудное слово — «поможем»? Он вспомнил виселицу на Краковской площади, трупы соотечественников, повешенные в пенёковых петлях, надписи «Только для немцев» на трамваях, на дверях театров, ресторанов и кино — всё то горе, что принесли народу немцы. И, желая отплатить им за это, понимая, что немцы — враги всех обездоленных, он, человек, проживший очень трудно свои лучшие годы, ненавидящий по-работничьи, решил помочь тем, кому было тяжелее всего. Он видел перед собою на улицах гетто таких же, как и он, советских тружеников, попавших в беду. Разве мог он пройти с холодным сердцем мимо их несчастий? Всё продумано и решено.

Изнутри своей «галереи» Хигер выстукивает место, где он находится. Подошедшие к нему по подземному руслу Целтевы канализаторы обводят это место мелом и начинают пробивать железобетон.

Восемь дней тянется работа. Её ведут урывками, с двух сторон. Удар ломом. Пауза. Надо послушать, не идёт ли кто. Ведь уши гестапо могут оказаться и под землёй.

На восьмой день «галерея» соединяется с каналом отверстием в пятьдесят сантиметров.

КОНЕЦ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Во второй половине мая кто-то из служащих гестапо пробалтывается, что на 20 мая в гетто назначена «акция». Слух проникает в северные кварталы Львова. Многие их обитатели в страхе перед «акцией» пытаются убежать, прячутся в «бункера». Отчаяние охватывает всех. 19 мая, на утреннем сборе, «по тревоге» Гжимек опровергает этот слух. Он даёт «слово чести немецкого офицера», что больше «акций» не будет. Он арестовывает лишь нескольких распространителей слухов, чтобы от них выведать фамилии болтунов из гестапо. Действительно, день и ночь 20 мая проходят сравнительно спокойно, но зато утром 21 мая Гжимек вдвоём с другим палачом, Ленартом, выйдя к воротам, отбирают из числа конвоируемых на работу полторы тысячи человек. Тут же Гжимек даёт им второе «слово чести», что ничто им не грозит. «Просто люди отобраны на сельскохозяйственные работы, на окучивание картошки. Они пробудут там месяц, а затем возвратятся живёхонькими».

Ближе к полудню того же дня эти полторы тысячи человек были расстреляны на «Пясковые» за Яновским лагерем.

Весть о расстреле вечером проникает в гетто. Также становится известно, что немцы «ликвидировали» гетто в других местечках и городках Львовской области.

Шесть-восемь тысяч обречённых, оставшихся во Львовском гетто «подданных короля Гжимека», не знают, что вот уже несколько недель бушует восстание узников Варшавского гетто. С оружием в руках они смело сражаются с полками эсэсовцев, отражают их атаки и под бомбами немецкой авиации дорого отдают свои жизни, уничтожая в уличных боях сотни немецких палачей.

Кто знает, если бы о восстании Варшавского гетто своевременно узнали во Львове, — возможно, люди Львовского гетто также вышли бы на смертный бой с оружием в руках.

Блудитель «чистоты и порядка», любитель клумб и крови, Гжимек из секретных оперативных сводок отлично знает о событиях в



Один из входов в Львовское гетто.

* Продолжение. См. «Огонёк» № 14.

¹ «Щурь каналове».

² Особаи разномыслие львовских босаеков.

Варшаве. Он боится своих «подданных» и делает всё, чтобы усыпить их настороженность.

25 мая Гжимек поспешно ликвидирует свою квартиру на Замарстиновской и перевозит вещи в город. 30 мая, по его же замыслу, в гетто устраивается театральное гала-представление. Выступает джаз-оркестр, состоится обозрение-ревию; «самые новые модные песенки в сопровождении оркестра», сообщают афиши.

Но мало кто из завтрашних смертников посещает красный дом на улице Кушевича, где назначен этот чудовищный спектакль на крови. Все чуют, что наступает конец гетто, что их часы сочтены.

ПРОЩАНИЕ СО СВЕТОМ

Жена и дети Хигера спят теперь в подвале — возле спасительной «галереи». В одиннадцатый час вечера 1 июня в подвал вбегают сосед и шепчет:

— Во двор приехали машины с гестаповцами!

Жена Хигера будит детей, поспешно одевает их.

Ещё ближе к полуночи — новая весть. Из города прибыли «специалисты» по «ликвидации» гетто, Ленарт, Инкварт и другие. Вместе с Гжимеком они отдадут последние приказания. Через узкую «галерею» Игнатий Хигер, его жена и дети спускаются в Пелтеву. За ними пробираться туда ещё несколько человек, посвящённых в тайну подземного хода.

Гремят наверху первые выстрелы. Они отдаются в туннеле таким грохотом, что сперва проносится ложный слух: «Немцы из артиллерии обстреливают Пелтеву».

Тем временем люди, застигнутые посреди ночи «акцией», бросаются в разные стороны из своих жилищ. Часть из них пролезает под забором на территорию гетто и скрывается тоже в канале Пелтевы, но уже пробравшись в глубь канала через главный выход, по которому река вырывается наружу. Вскоре к семье Хигеров и спустившимся в туннель через ход из подвала дома на Пелтевой, 49, присоединилось ещё несколько сот человек. Присидев в духоте, в грязи, без пищи двое суток, эти люди стали небольшими партиями прорываться наружу. Их манили леса за Львовом. Там, в лесной чащобе, партизанские отряды, уже много месяцев ведут вооружённую борьбу с немцами.

2 июня Буженяк и Колендра предупредили оставшихся, чтобы они были готовы к перемене убежища. Канализаторы рассказали, что «акции» в гетто продолжаются — «там убийства, стрельба и пожары». 3 июня канализаторы переводят своих узников в другое место.

Люди бредут полусогнувшись, по колено в грязной воде. Из поперечного канала на высоте пяти метров над ними вырывается каскад воды. Туда надо лезть. Цепляясь за скользкие скобы, люди лезут туда, навстречу мутному потоку. Они взбираются сами и тащат вверх замёрзших, перепуганных детей. Проползают ещё не много по отводной трубе — и, наконец, в новом убежище. Это более просторный, но очень сырой канал. По дну его, обтекая камни, течёт вода. Люди усаживаются на камнях; мокрые, сгорбленные, они жмутся друг к другу. На коленях дети. Мимо шныряют крысы, задевая сидящих скользкими хвостами.

В таком положении беглецов застало подземное утро в убежище под костёлом Марии Снежной.

Где-то вверху были мир, жизнь, высокие дома с солнечными бликами на прозрачных окнах, прохладное, чистая ключевая вода, бьющая из любого водопроводного крана. Сколько угодно воды! Стоило только проползти до ближайшего люка, подняться вверх по скобкам поднять крышку. Можно было бы зажмурить глаза от внезапно хлынувшего солнца, досыта наглотаться чистого, свежего, не зловонного воздуха. Но люди не делали этого: там были «они».

Тут было темно и страшно, крысы прыгали по ногам, но зато не было гестапо. Ужас фашизма остался наверху, там, где взрывали и поджигали дома, где целые этажи, поднятые на воздух пироксилиновыми шашками, засыпали живых людей, где лилась кровь.

Беглецы потихоньку подтаскивали друг к другу камни, осваивались. Вскоре из темноты, кружа перед собой фонариками, приползли Буженяк и Коваль. В портфелях, которые они принесли в зубах, были хлеб, колбаса, водка. Дочка часового мастера из местечка Турки под Стрыем Галина разделила пищу всем на равные части.

ВЕСТИ С ВОЛИ

Вести с воли, со света, были страшные. Ликвидация гетто продолжалась. Среди выстрелов, криков и воплей отчаяния горели дома, облитые бензином и подожжённые бутылками с горючей смесью.

Львовяне видят неугасимое дрожащее зарево над северной частью города. Это зарево видят заключённые за решетками Львовской цитадели, десятки тысяч советских военнопленных, опухших от голода и умирающих.

Буженяк и Коваль заодно с продуктами приносят людям подземелья «Лембергер цейтунг» и предательские газеты: «Газету Львовку» и «Львівські вісті».

Когда беглецы при свете единственной свечи читали эти презренные листки, они понимали, что здесь, в темноте зловонного подземелья, больше просвета, больше надежды, чем наверху. Немцы хвастались, что «победоносно сдерживают» напор Красной Армии на линии Кубань — Изюм — Харьков — Белград — Орёл!

Какими далёкими ещё тогда от Львова казались эти районы боёв, сколько сот километров предстояло ещё пройти Красной Армии, чтобы достигнуть львовской земли! Но как сильна была вера на помощь с Востока, если она могла поддерживать у детей и взрослых желание перенести такие условия, каких не знала ещё ни одна тюрьма средневековья!

СТАКАН ВОДЫ

Всех мучила жажда.

Первыми на поиски воды поползли Игнатий Хигер и слесарь из Лодзи Берестецкий. Буженяк сказал им, что на Галицкой улице под артезианским колодцем лопнула водопроводная труба. Они поползли к ней круглым отводным каналом, шириной 75 сантиметров, через всю Краковскую улицу, рынок и до угла Галицкой, пересекая таким образом под землёй почти весь центр Львова. Наконец, перекрёсток на углу Галицкой. Медленно, капля за каплей, стекает сверху чистая вода. Хигер и Берестецкий приставили к лопнувшей трубе чайник и долго ждали, пока наполнится он холодной, драгоценной водой. Обратный путь был ещё труднее. Наполненный чайник пришлось тащить то одному, то другому в зубах. Пока водоносы добрались под костёл Марии Снежной, их пиджаки протёрлись на локтях и на спине.

Принесённой воды хватило по одной трети стакана на человека.

За водой приходилось посылать два-три раза в день.

Надо было как-то устраиваться на камнях. Группа, возглавляемая львовским парикмахером Гальперином, которого за его сдвинутый набекрень берет и пёстрый пиджак все прозвали «Корсаром», отправляется в

дальнюю дорогу. Они ползут под Цыбульную улицу, к месту их первого пристанища.

За несколько дней до них там побывало гестапо.

Живых гестаповцы вытащили, а трупы тех беглецов, которые приняли в самую последнюю минуту цианистый калий, оставили под землёй. При свете электрических фонариков «Корсар» и его спутники видят наполовину съеденные крысами останки своих недавних соседей по убежищу. Они забирают тут чайник, кастрюльку и поспешно ползут обратно.

С тех пор убежище под Цыбульной улицей называется «У трупов». На карте подземного мира появляется новое название.

Вторая экспедиция отправляется ещё дальше, в пасть к самому волку, — в гетто.

ВИЗИТ В ГЕТТО

Что повело беглецов в такой дальний, рискованный путь? Простые житейские надобности: не было чем укрыть детей, хотелось разогреть на огне пищу.

Четверо мужчин под водительством «Корсара» и с ними вместе восемнадцатилетняя Рузя Бойтель подползают каналами к той самой норе, через которую спустились они под землю. На цыпочках среди бела дня выходят они из подвала на волю, пробираются в соседний, четырнадцатый барак — уже опустевший — и забирают в нём всё то, что не успели ещё взять гестаповцы.

Возвращаясь в подвал, они видят поодаль горящие дома, слышат короткие автоматные очереди: «акция» ещё продолжается. В дыму пожаров гитлеровцы выволакивают из самых сокровенных тайников последних обитателей гетто.

После нескольких экспедиций в гетто «Корсар» и его спутники приносят в канал под костёлом Марии Снежной два одеяла, примус, муку и крупу.

Однажды их заметили гитлеровцы, открыли издали стрельбу. Всем, однако, удалось благополучно скрыться в канале.

В пятницу 9 июня братья Оренбах и инженер Лейланд — до прихода немцев технический руководитель львовского завода «Лако-краска» — пошли по воду. Ничто не предвещало несчастья, лишь показалось странным, что из канала вдруг исчезли все крысы.

Имей возможность кто-либо из беглецов выглянуть на волю, он бы заметил, что небо затянулось густыми тёмносиневатыми тучами. Но люди, ползущие в темноте, изредка пробиваемой лучом фонарика, не знали того, что происходит наверху. Половодье захватило их внезапно. И без того стремительная Пелтева начала быстро наполняться. Вода сразу залила боковые тротуары, стала прибывать, вот-вот грозя достигнуть потолка основного канала. Водоносы бросились к боковым коллекторам, полезли вверх по скобам. Лейланд не успел. Он оступился — и Пелтева поглотила его.

В это время застигнутые врасплох половодьем обитатели канала под костёлом Марии Снежной, спасаясь от прибывающей воды, полусогнувшись стояли на камнях, подпирая спинами мокрые трубы. Когда же вода спала и братья Оренбах вернулись, все узнали, как погиб инженер Лейланд.

Спустя несколько дней Оренбах, Вайнберг, Геллер и Вайс снова поползли по направлению к гетто. Они не вернулись. Позже Буженяк узнал подробности их гибели: беглецов опознали и застрелили гестаповцы.

Спустя два дня после гибели четырёх мужчин молодые девушки Рузя, Гета и Регина, а вместе с ними один из беглецов, Лернер, сказали всем, что не могут больше выдержать жизни в подземелье.

— Мы молодые, детей у нас нет. Пойдём наверх. Пробьёмся в леса. Авось, посчастливится найти партизан.

Им дали продуктов, немного денег, и прожорливый «Корсар» вывел всех четверых к устью Пелтевы на «Погулянку». Удалось ли им благополучно добраться до лесов или убили их немцы, неизвестно.

(Окончание следует)

ПАМЯТНИК РУССКОЙ СЛАВЫ

Профессор Н. Коробков

В своём победоносном наступлении Красная Армия завоёвывает области и города, над которыми не раз уже развевались русские знамёна. Названия городов Восточной Пруссии, Померании, Бранденбурга, Силезии упоминаются в многочисленных религиях русских главнокомандующих в войне с Пруссией 1756—1762 годов. Спустя 50 лет русская армия вновь прошла по этим местам, освобождая Европу от рабского подчинения империи Наполеона.

Фельдмаршал Кутузов, истребив вторгшуюся в Россию «великую армию» Наполеона, в составе которой были немецкие корпуса и дивизии, перешёл затем через Неман и приступил к очищению Германии и Польши, занятых войсками противника.

Руководимые Кутузовым русские войска громили и гнали противника, захватывали тысячи пленных и огромные трофеи.

25 декабря (ст. ст.) 1812 года был взят Кёнигсберг и вслед за тем очищена вся Восточная Пруссия. Войска, действовавшие в Польше, 27 января 1813 года заняли Варшаву. 1 февраля противник был разбит под Калишем; в тот же день взята Познань. 20 февраля, после двенадцатидневной борьбы, русские войска овладели Берлином, а 25—Франкфуртом на Одере. Операции развернулись в Саксонии; в то же время войска быстро продвигались по Балтийскому побережью. 14 марта из своей ставки в Калише Кутузов донёс Александру I, что «победоносные российские войска, очистив от неприятеля всё пространство по правому берегу реки Эльбы, 7 марта вступили в Гамбург... сенаторы вручили ключи города».

17 марта Кутузов послал в Петербург ключи Любека. «Да будут оные новым украшением столицы Российской и да послужат вешим доказательством, что и в отдалённых от Отечества странах праведное небо спешествует оружию Российскому», — писал при этом фельдмаршал.

15 марта был взят Дрезден, столица Саксонии, а пять дней спустя — Лейпциг. Враг понёс жестокое поражение при Люксембурге, а вслед за тем под Магдебургом. 24 марта сдался гарнизон противника, окружённого в Ченстоховской крепости.

Мудрое руководство Кутузова удесатеряло силы армии. Спокойный и неторопливый, он всё предвидел заранее и добивался побед ценой наименьших потерь. Войска с энтузиазмом встречали появление своего старого фельдмаршала, который стал для них символом победы и величия родины. Его ставка передвигалась вместе с победоносной армией. В начале апреля она разместилась в маленьком силезском городе Бунцлау, который стал на некоторое время центром военной жизни Европы.



Дом в немецком городке Бунцлау, в котором 28 апреля 1813 года умер великий русский полководец М. И. Кутузов. В овале — портрет М. И. Кутузова.

На пути в Бунцлау Кутузов простудился. Он не хотел поддаваться болезни и не мог оторваться от дел. А события развивались стремительно. «Имею счастье повергнуть... ключи крепости Торна, которая после осмидневной осады, сего 8 апреля покорилась оружию вашего императорского величества», — доносил Кутузов. — Такое великое приобретение развязывает дальнейшие наши операции и подаёт новые способы к овладению крепостью Модлином, для чего даны будут от меня надлежащие повеления».

Между тем состояние здоровья Кутузова резко ухудшалось. Он вынужден был лечь в постель. Развивалось воспаление лёгких. До последнего мгновения фельдмаршал не переставал думать о России, об армии, о дальнейшем направлении воен-

ных действий. Болезнь длилась одиннадцать дней. В среду 16/28 апреля 1813 года Кутузов скончался в девять с половиной часов вечера.

Тело фельдмаршала набальзамировали и перевезли в Петербург. В России останки великого полководца были встречены теми выражениями любви, которые русский народ проявлял к Кутузову при его жизни. Жители городов и деревень выходили навстречу, выпрягали лошадей и сами везли траурную колесницу.

11 июня торжественная траурная процессия вступила в Петербург. Гроб был внесён в Казанский собор и поставлен на грандиозном катафалке, построенном архитектором Воронихиным.

13 июня состоялось погребение. Прах полководца был опущен в приготовленную в левой стороне собора могилу. Трофейные знамёна окружали её. Здесь же на особых щитах были размещены ключи Гамбурга, Любека, Торна и других городов, завоёванных Кутузовым.

В далёком Бунцлау дом, где скончался фельдмаршал, остался памятником, дорогим для всякого русского. В честь великого полководца был воздвигнут обелиск на высоком постаменте с четырьмя львами. Одна из вырезанных на обелиске надписей гласит: «До сих мест полководец Кутузов довёл победоносные войска Российские, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас отечество своё и открыл пути освобождения Европы. Да будет благословенна память героя...»

В тяжёлые и героические месяцы обороны Ленинграда 1941—1942 годов могила Кутузова стала местом паломничества доблестных защитников столицы. Пример полководца, воспоминание о грозной опасности, от которой он спас отечество и возвысил славу родины, укрепляли уверенность, что и новый враг разделит участь вторгшейся в 1812 году в Россию «великой армии». Эта уверенность оправдалась. Оставив на русской земле миллионы трупов, немцы были выброшены за советские границы. Красная Армия сокрушает врага в Померании, Бранденбурге и Силезии и продвигается к Берлину. На этом победном пути войска наши среди сотен других городов овладели и городом Бунцлау. Они нашли здесь обелиск и дом, в котором умер Кутузов. Бойцы и офицеры возложили на памятник венки.

На путях, по которым уже проходили русские солдаты, бойцы Красной Армии безмерно умножают военную славу своих предков и неуклонно идут к окончательной победе, которая обеспечит мир долгий и прочный.



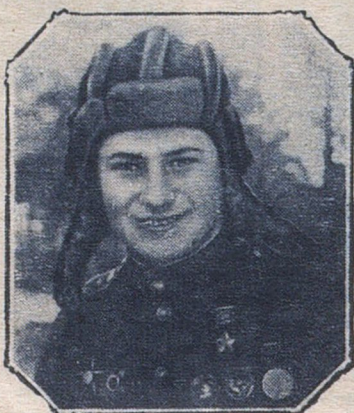
Памятник М. И. Кутузову в Бунцлау (слева). Советские бойцы возлагают венки у подножья памятника Кутузову.

Фото Р. Мазелева (ТАСС).

ДЕЛА И ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ



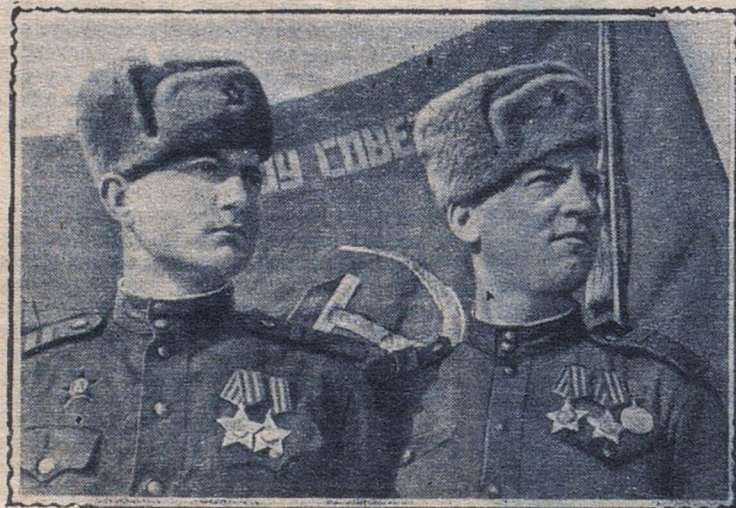
В боях за выход к Балтийскому морю отличились разведчики полковника Н. В. Рогова. Они первыми водрузили советский флаг на побережье в районе Кёзлина. На снимке: капитан Н. Т. Кецо докладывает полковнику Рогову (справа) о выполнении задачи и показывает захваченные разведчиками мундиры и ордена бежавших немецких генералов.



↑ Герой Советского Союза гвардии капитан Владимир Бочковский. Танковый батальон, которым он командует, одним из первых вышел на реку Одер.



← Гвардии капитан медицинской службы Александра Ильченко на фронте с первых дней войны. Уроженка Сталинграда, она участвовала в защите своего родного города. Теперь она оказывает помощь раненым бойцам и офицерам, громящим врага на его территории.



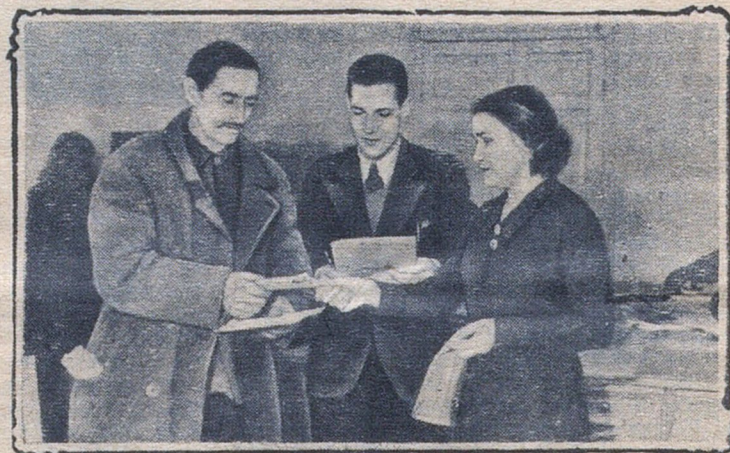
Севернее Кенигсберга сражаются артиллерийские разведчики — парторг батареи старший сержант Сергей Жаров (справа) и комсорг младший сержант Павел Мужецкий. На их боевом счету около 400 истребленных гитлеровцев.



Украинский писатель Максим Фадеевич Рыльский. В связи с 50-летием со дня рождения он награжден орденом Ленина за выдающиеся заслуги в области художественной литературы.



Васса Яковлевна Лебедева — учительница элатоустовской начальной школы № 2 Челябинской области. Стаж её преподавательской работы — 50 лет. В. Я. Лебедева награждена орденом Ленина.



В Рижском уезде, Латвийской ССР, идёт активная подготовка к севу. Бывшим батракам, получившим сейчас большие наделы и крепкое хозяйство, правительство оказывает значительную помощь. На снимке: крестьянин Косаренок получает в Сельхозбанке ссуду на покупку семян.



16-летний Миша Зыков — лучший охотник Оричевского района, Кировской области. За сезон 1945 года его добычей стали 8 лисиц, 2 рыси, волк, много белок, горностаев и зайцев. На снимке: Миша Зыков сдаёт пушнину на заготовительный пункт.



Заслуженной славой пользуется на Н-ском заводе фронтовая комсомольская бригада Виктора Шевелёва, систематически выполняющая нормы на 300—400%. На снимке: бригадир-комсомолец Виктор Шевелёв.

ОБРАЗ ВОЖДЯ В ФОЛЬКЛОРЕ

Максим Горький писал: «...фольклор в наши дни возвёл Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею». Эти слова писателя прекрасно отражают процесс, происходящий в народном творчестве всего Советского Союза, ибо и в русских былинах, и в казахских песнях, и в таджикских сказках Ленину уделяется центральное место старшего богатыря, освободителя народа.

Именно таким дан Ленин в сказках Бобо-Юнуса Худойдодзода, в четверостишиях Саидали Вали Заде, в сотнях произведений народных певцов и сказителей Таджикистана.

Биография вождя, расцвеченная традиционными образами таджикского фольклора, даёт красочную картину его жизни и деятельности. Зачастую весь сюжет произведения, рисующего образ Ленина, очень далёк от реальности (например сказка «Ленин и Кучук-Адам»), но сквозь самые фантастические очертания проглядывают подлинные черты «вождя и брата», как называют Ленина в одной из самых популярных таджикских песен.

В сказке изображена борьба богатыря Ленина и отвратительного злого волшебника Кучук-Адама. Ленин добр к беззащитным, непримирим к врагам. Ему близко всё живое и радостное в природе. И природа помогает ему: Кучук-Адам бросает в спящего Ленина камень, но камень плавно опускается рядом, и Ленин кладёт его под голову вместо подушки; Кучук-Адам устанавливает на пути Ленина отравленные колья, но земля тягивает их, и маленький воробей ценой своей жизни предупреждает вождя об опасности...

Певцы считают свою любовь к вождю, к тому, «кто радость в жизни нашей влил», основой их поэзии:

«Ленин сказал, что угодно вы можете петь.
И гафизы все сразу запели о нём!»

В песнях и сказках образ Ленина всегда стоит в неразрывной связи с образом Сталина. Сотни безымянных певцов Таджикистана поняли образ вождя так, как понимают его все певцы Советского Союза.

Каждый из них мог бы повторить слова Вл. Маяковского:

«Партия и Ленин —
Близнецы братья, —
кто более
Матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем партия,
Мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин».

В песне Абдулла Шах-Зода провозглашает: «Партия стала учителем; народ — учеником, Ленин повёл нас к счастью в битвах с кровавым врагом!» Ленин и Сталин даны в песнях, как друзья бедняков и строители радостной жизни:

«От башен Москвы до границы, где мрачен Памира хребет,
Знают народы Союза: наш Ленин — тепло и свет!»

Один из интереснейших образов, отражающих народную любовь к Ленину и Сталину, — образ Садовника. Он характерен не только для народного творчества, но и для поэзии вообще (А. Лахути «Садовник»). В одной из сказок, созданных в дни Отечественной войны, Сталин изображён в виде Садовника, взращивающего прекрасный сад и обучающего молодёжь бережному и любовному уходу за растениями. На сад нападает отвратительное чудовище — Халдур. Садовник начинает борьбу с ним и побеждает его.

В песне «Отец — сыну» народный поэт Саидали Вали Заде пишет:

«Я шлю привет, любимый сын родной,
За родину ты принимаешь бой,
Из сада Ленина, цветок прекрасный мой,
Ты грудью встал, чтоб биться как герой».

Ленин и Сталин даны в фольклоре как богатыри, борющиеся за освобождение народа. Ленинская забота и сталинская любовь к людям нашли своё отражение во многих произведениях таджиков. Так, в сказе «О папанинцах» товарищ Сталин, провожая Папанина, говорит: «Людей береги!»

В Таджикистане образы русских людей вошли в фольклор рядом с образами национальных героев. Все они — и Папанин, и герой озера Хасан, и героические партизаны наших дней — связаны с образами вождей. Недаром высшая награда для любого из них, когда «Сталин о подвиге их узнаёт, Ленина орден героям даёт» (Бобо-Юнус «Народные мстители»). Героическая оборона Сталинграда и города Ленина, героика трудовых будней — всё это связывается в фольклоре с именами Ленина и Сталина.

Образы Ленина и Сталина стали рядом с образами любимых героев всех народов: рядом с русским богатырём Ильёй Муромцем, любимым героем таджикского народа Рустамом, древнегреческим титаном, Прометеем.

Дм. МОЛДАВСКИЙ



Лауреат Сталинской
премии военный художник
Н. Н. Жуков.

ЗРЕЛОСТЬ МАСТЕРА

Рисунки Н. Жукова

На выставках последних лет стали появляться рисунки, подписанные именем «Н. Жуков». Тонкие, со вкусом выполненные, эти рисунки радовали своей острой наблюдательностью, вдумчивым, серьёзным отношением к изучению окружающей действительности, большой экспрессией и, наконец, чисто профессиональным мастерством.

Рисунки Жукова поражают большой внешней скромностью, внутренней глубиной и острой выразительностью. Жуков блестяще справляется с самыми разнообразными задачами: его линия цепко и метко схватывает самую суть изображаемого, служа великолепным оружием в руках мастера.

Его рисунки говорят о непрерывно растущем техническом совершенстве, которое мастер блестяще использует для создания целого цикла произведений,

Литература и Искусство

задуманных им в плане широких и интереснейших тем.

Своё вдохновение Жуков черпает и из наблюдений над живой, окружающей действительностью, и из истории партии и революционного движения.

Рисунки Жукова, посвящённые биографии Энгельса, свидетельствуют об упорной и вдумчивой работе мастера, со всей ответственностью сознающего важность взятой на себя задачи. В них есть и глубина мысли, и способность проникнуть в изображаемую эпоху, и большая любовь к своему герою. Эти работы свидетельствуют о проделанной серьёзной работе по всестороннему изучению исторических материалов и умелому их использованию. Все эти качества выгодно отличают Жукова, заставляя ждать от него ещё очень многого.

Его серия рисунков, посвящённых биографии В. И. Ленина, подтверждает наши ожидания. Трудная и ответственная тема увлекла мастера. С любовью стремится он воссоздать дорогой образ, причём трудность его задачи осложняется тем, что создаётся этот образ творчески, не представляя собой перерисовки известных фотографий.

Вот Ленин-гимназист, сосредоточенно ушедший в чтение. Юношеское лицо полно глубокой мысли. Ленин за своим рабочим столом. В одной руке книга, в дру-

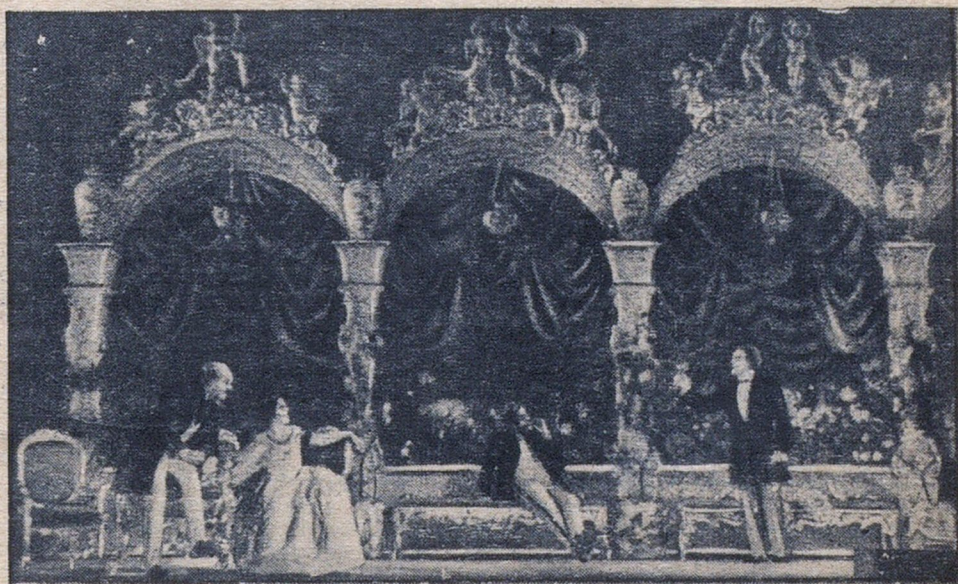
гой — стакан чая. Этой тонко взятой деталью, такой простой и жизненной, Жуков полностью раскрывает динамическую натуру Ленина. Великий мыслитель Ленин поглощён творческими замыслами. И в то же время это человек. И эта его человеческая сущность тепло вскрывается художником в таком простом жесте. Умение работать на внутренних контрастах говорит о большой и умной наблюдательности художника. Накинув пальто и нагнув кенку, Ленин углубился в книгу. Лица почти не видно, но столько типично ленинского во всей этой внутренне собранной, целеустремлённой фигуре.

Заложив руки за спину, под откинутый пиджак, Ленин беседует с кем-то. Вот он взволнованно выслушивает телефонный разговор. Наклонившись над рукописью, о чём-то глубоко задумавшись. Смотрит на часы, что-то обдумывая. И везде художнику удаётся создать живой, убедительный, впечатляющий образ. Причём вся его живописная повесть изложена языком свободным, живым и артистическим. Линия бежит послушно, уверенно передавая на бумаге замысел автора.

Лауреат Сталинской премии Н. Жуков — умный и одарённый мастер — на большом творческом подъёме.

В. ЯКОВЛЕВ,
народный художник РСФСР

НОВАЯ ПОСТАНОВКА «ТРАВИАТЫ»



Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова показал новую постановку оперы Верди «Травиата». Постановщик И. Шлепьянов искал ключ к воплощению в спектакле образов произведения Дюма «Дама с камелиями» и Парижа 50-х годов прошлого столетия. Очень удачно декоративное оформление художника Т. Бруни. Партию Виолетты исполняет А. Халилеева, Альфреда — Н. Середя, Жермона — Л. Соломак. На снимке: сцена из 1-го акта оперы «Травиата».

Фото В. Мельника

ОПЕРА ЖАН-ЖАКА РУССО ПОД МОСКВОЙ

Граф Николай Петрович Шереметев слал письмо из Москвы в Париж, в адрес Королевской оперы. Виолончелисту Ивару, уполномоченному русского вельможи, надлежало, «не мешкая», выслать в Москву лучшие новинки Французской оперы, описания макетов, эскизы костюмов. Обычно краткий в эпистолярных изъяснениях, граф Шереметев и на этот раз коротко сообщал:

«Мне нужны лишь точные детали декораций (вплоть до самых ничтожных), и, получив их, я сделаю всё возможное, чтоб представить оперу на нашем театре!»

В этом, впрочем, можно было не сомневаться. Внук фельдмаршала Петра I, меценат, владетель несметных богатств, чьи вотчины раскинулись по всей России, граф Шереметев своими театральными зрелищами повергал в восторг и пышный екатерининский двор, и путешествующих иностранцев, и европейских послов.

В родовом подмосковном Останкине уже несколько лет, как воздвигнут новый театр-дворец. Лучшие архитекторы вычерчивали для него проекты. Произведениями своих рук украшали дворец русские самородки: живописцы, резчики, ваятели, — пребывавшие в незавидном состоянии крепостных шереметевских душ. Крепостная шереметевская труппа, и до того блиставшая народными талантами, украсилась теперь новой восходящей звездой. То была дочь кусковского кузнеца Параша Ковалёва, переименованная по сцене в Жемчугову.

Этой девочке едва минуло тринадцать лет, когда впервые в решающем дебюте она предстала перед строгим меценатом в роли героини французской оперы Монсиньи. Граф Шереметев тотчас оценил выдающийся талант. Театральная карьера Параша была предпрещена.

Парижские оперные новинки чередовались в Останкине с произведениями русских сочинителей. И попеременно с «Прекрасной Арсеной» Монсиньи, «Данаидами» Сальери, «Самнитскими браками» Гретри останкинская сцена давала доступ к первым опытам в отечественной опере бывшему крепостному, даровитому композитору, поэту и математику, Михаилу Матинскому, «камер-музыканту» Екатерины Василии Пашкевичу, Евстигнееву Фомину. Этот бывший дворцовый, впоследствии приставленный к должности российской труппы, чтобы выучивать ему актёров и актрис, а также переменить, что потребно будет, в музыке, стяжал славу известной своей оперой «Мельник, колдун, обманщик и сват». Русская публика платила данью восхищения её автору, который один из первых, пусть в робкой и не совершенной форме, заставил ещё в XVIII веке прозвучать на оперных подмостках русскую народную песню, бойкое народное словоцо.

Фоминский «Колдун» долго не знал в своём отечестве соперников среди всевозможных чародеев, толпами заполнявших оперные сцены. Впрочем, один из старших собратьев этого «Колдуна» оказался его единомышленным. То был «Деревенский колдун» Жан-Жака Руссо.

— Трудно поверить, — вспоминали современники, — из, пожалуй, немного находилось событий среди пёстрой злобы дня, которые бы так нераздельно владели вниманием французской публики, как революция, происходившая в музыке!

И точно: весь Париж раскололся на два лагеря. Вельможная аристократия цепко держалась за отжившие каноны придворной оперы. Другая партия составляла меньшинство. Но среди этого меньшинства были лучшие французские умы и таланты. Веса истории явно склонялись на сторону поборников народного искусства. И не мудрено, если именно их лозунгам с сочувствием внимала передовая Франция.

— Надо вернуть оперу к природе! — призывал Даламбер.

— Нужно, чтобы страсти были естественны и сильны! — убеждал Дидро.

Против ходульных условностей и лживой риторики придворного спектакля яростно ополчился Руссо. Пожалуй, более всего досталось от него нелепым оперным либретто, в которых здравый

смысл неизменно приписался в жертву вкусам придворных балетоманов.

— Способ вывести на сцену балет очень прост, — едко язвил Руссо. — Если государь весел, все принимают участие в его радости и танцуют; если он печален, его хотят развеселить и танцуют. Есть немало и других поводов для танца! Самые важные жизненные акты совершаются в танце: жрецы танцуют, боги танцуют, черти танцуют, танцуют даже при погребении; все танцуют по всякому поводу!

Борясь за обновление искусства, Жан-Жак Руссо ввёл в бой ещё одно оружие — собственный музыкальный талант.

Конечно, в биографии Руссо, философа-просветителя, властителя дум целой эпохи, эта музыкальная страничка затмевалась иными сторонами его кипучей деятельности. Но не случайно говорили о Руссо лучшие музыканты-современники:

— Если бы он пожелал заняться нашим искусством, он мог бы воплотить в жизнь то чудесное действие, которое древние приписывали музыке.

Комическая опера Руссо «Деревенский колдун» вызвала в Париже бурю разнородных чувств. Очень скоро эта буря превратилась в триумф, сопровождавший каждое явление «Колдуна» на парижской сцене.



Иллюстрация Ж. Моро к комической опере Руссо «Деревенский колдун».

Но ещё не замерли отголоски парижских театральных бурь, а «Деревенский колдун» уже отправился в дальний путь — в Россию. Опера Жан-Жака Руссо впервые увидела свет русской рампы на сцене театра в Останкине. Крепостная шереметевская труппа усердно готовилась к новому представлению. Музыканты-самородки Степан Дегтярёв и Пётр Колмаков, успешно освоившие трудное дирижёрское искусство, разучивали оркестровые партии. Репетировали арии отменный тенорист Григорий Кохановский и второе сопрано Анна Изумрудова. Первое сопрано, Параша Жемчугова, готовилась к спектаклю вместе с неизменным своим партнёром, лучшим певцом Андреем Новиковым.

Наконец, опера Жан-Жака Руссо «Деревенский колдун» началась. В главной роли выступала, как обычно, Параша Жемчугова. Она пела партию Коветты — бедной деревенской пастушки, страдающей от неверности милого пастуха Колена, которого, повинувшись минутной прихоти, прельстила знатная аристократка.

Но истинная любовь побеждает превратности судьбы. При содействии сметливого поселенца, прикинувшеюся «колдуном», рушатся все козни. Влюблённые сердца вновь соединяются, и счастливая развязка венчает оперу. Исполнявшие французскую оперу русские актёры чутёе понимали идеи автора. Спектакль был исполнен тех подлинных чувств, той убеждающей жизненной правды, которые исстари, даже на крепостных подмостках, составляли незыблемую основу искусства русских актёров.

Е. Канн

ЛУЖИЧАНЕ

Славянский народ на реке Шпрее

На реке Шпрее, самой «немецкой» из немецких рек, на той самой Шпрее, на которой стоит Берлин, живёт чепокон веков маленький славянский народ — лужицане, или лужицкие сербы (как она сами себя называют).

Маленький народ лужицан — это всё, что осталось от обширной и многочисленной семьи славян, заселявших до немецкого завоевания территорию нынешней Германии к востоку от Эльбы. Все остальные славянские племена этой семьи подверглись в результате немецкого завоевания в IX—XIV веках истреблению или насильственному онемечению. И только лужицане сумели устоять против германизации. Это замечательный подвиг маленького героического народа. Можно себе представить, сколько пережил этот народ за восемь веков немецкой неволи, сколько гонений, мучений и издевательств ему пришлось за это время перенести! Сколько раз немецкие власти пытались стереть с лица земли последних славян внутри Германии! Но лужицане пронесли сквозь все восемь столетий немецкого ига и сохранили до сих пор свою национальную самобытность, свой певучий славянский язык, свои старинные нравы и обычаи.

Область лужицан, «Лужица» (по-немецки — Лаузиц), расположена в верховьях реки Спрэвы (славянское название реки Шпрее). Спрэва разветвляется здесь на десятки мелких рукавов и протоков, область изобилует озёрами, болотами и ручьями (потому и называется «Лужица»). Проезжих дорог немного, главный способ сообщения — лодки. Деревни лужицан лежат по берегам речек и протоков, часто заменяющих улицы. Дома в этих деревнях сохраняют старинную, типичную для западных славян форму жилища.

Общая численность лужицан — около 120 тысяч (по сведениям, имевшимся десять лет назад). Их число уменьшается в результате всё время идущего процесса онемечивания.

Лужицане сохранили до последнего времени свою национальную одежду, похожую на одежду славянских племён.

В непрерывной борьбе против германизации этот самый маленький славянский народ сумел создать свою яркую и самобытную национальную культуру. Лужицкая литература зародилась ещё в XVI веке; в 1574 году выходят первые печатные книги. Но настоящее развитие лужицкой литературы получила с начала XIX века. В 1809 году выходит первый журнал, а затем газета. В 1847 году в городе Будышин (Бауцен) была основана «Матица Сербская» — центр национальной культурной жизни. В доме «Матицы» были сосредоточены издательство, типография, библиотека и национальный музей; «Матица» существовала почти сто лет, до Гитлера. В XX веке в ней издавалось несколько газет и журналов, много книг лужицких писателей и поэтов, а также переводных. В 1922—1925 годах вышли в свет переводы на лужицкий язык «Илиады» и «Одиссеи».

Лужицане и их национальная культура развивались под большим влиянием и при постоянной помощи самой мощной славянской культуры, созданной русским народом. Русские учёные постоянно интересовались лужицанами, их языком, литературой, фольклором. Знаменитый русский славяновед И. И. Срезневский помог лужицким учёным издать замечательные лужицкие народные песни. Когда потребовалось построить для «Матицы Сербской» новое здание, лужицкий писатель Смоляр поехал за помощью в Петербург и в Москву, и русская общественность собрала ему необходимые средства.

После прихода Гитлера к власти началась самая страшная эпоха в жизни многострадального лужицкого народа. Провинциальные фашистские «вожди» сразу же провозгласили: «Через 10 лет не будет существовать ни одного лужицанина». Однако этот стойкий и мужественный народ, устоявший против немецкого ига в течение восьми веков, переживёт Гитлера и нацистских извергов.

И. Шаскольский



Л. Рогачевский

Рассказ

Иллюстрации Г. Вальк

Допрос только начался, а нам уже досмерти надоел этот рыжий немец с припухшими веками и толстым угреватым носом. Пленный курил одну папиросу за другой и нехотя отвечал на вопросы.

— Да, немецкий миноносец, на котором я шёл в базу принимать новый отряд сторожевых катеров, был потоплен русскими моряками. Спаслось несколько членов экипажа и я. Нас подобрал русский корабль. Больше я ничего не имею сообщить...

Капитан третьего ранга Коршунов что-то записал в своём блокноте.

— Спросите, за какие подвиги ему пожалован рыцарский крест.

Переводчик лейтенант Глазков заговорил по-немецки; пленный отвечал хрипловатым дискантом, который не шёл к его грузной фигуре.

— Он сообщает, — едва успевал переводить Глазков, — что получил рыцарский крест за потопление русской подводной лодки, что это была одна из его удачей операций, что...

— Погодите, — остановил переводчика Коршунов и придвинулся поближе к столу. — Пусть рассказывает всё по порядку да поподробнее.

Можно было подумать, что Штроппе подменили. Теперь он говорил, не умолкая, на его толстом носу даже выступили капли пота.

Штроппе вытащил из внутреннего кармана своего кителя небольшую плоскую коробку, торопливо открыл крышку и выложил на стол маленькую деревяшку.

— Это сувенир? — спросил Коршунов.

ОБМЕН ОПЫТОМ

Борис Тимофеев

(Берлинская баллада)

В Германии гадалки, инспирированные Геббельсом, предсказывают своим клиентам, что Германия будет спасена «духом Фридриха» Великого, который воплотился в Фюрера.

Сидел как-то Гитлер ночью порой

И карту фронтов изучал...

Вдруг слышит он голос: «Мне двери открой!..»

«Кто там?» — крикнул Фюрер... «Я, Фридрих Второй!..» —

Ответ в тишине прозвучал...

«Хотя я в могиле давно уж протух,

Хочу передать тебе срочно свой дух!..»

И тотчас вошёл, опираясь на трость,

Потрёпанный прусский король...

И молвил со вздохом таинственный гость:

«Вполне понимаю, Адольф, твою злость:

И я ведь играл эту роль...

Хоть было в далёкие то времена,

Всё вспомню — и снова заносит спина!..

Мой опыт, ефрейтор, ты твёрдо храни!..» —

Уныло добавил он тут:

«От русских бежал я и ночи и дни;

Уж двинулись если к Берлину они,

Так, значит, туда и придут!..»

Тогда приготовь ты на вынос ключи,

А сам, что есть духа, — ко мне хлопочи!..»

— О, нет, — перевёл Глазков ответ Штроппе. — Это — вещественное доказательство. Деревяшка — свидетельство того, что русская подводная лодка поконит на морском дне.

Пленный уселся поудобнее и, пуская клубы дыма, начал рассказывать с видимым удовольствием:

— Капитан-лейтенанту Кляйту — этой тряпке и бездарности — поручили охрану двух транспортов с солдатами и офицерами дивизии «СС». Вскоре после выхода из базы наша лодка потопила один транспорт. Разиня Кляйт, в распоряжении которого было два тралящика и не меньше пяти катеров, вызвал меня на подмогу. Отряд моих катеров нёс в этом районе дозорную службу. Я бросился на поиски подводной лодки. Разумеется, её и след простыл. Но я не оставлял поисков. И вдруг мне чертовски повезло: удалось запеленговать подводную лодку. Я приказал увеличить ход, и мы настигли лодку, да, да, настигли. Мы пропахали весь район, сбросили — точно уж не помню, — но думаю, что не менее пятидесяти глубинных бомб... Наконец, на поверхности показалось масляное пятно — верный признак того, что подводная лодка отправилась к праотцам. Но одно это доказательство меня не убедило до конца. И только когда мы увидели плавающий деревянный шест, — тут уж не осталось никаких сомнений. Шест был поднят на борт катера, обычный шест, которым отталкиваются от стенки. На нём было вырезано слово «Ястреб». Теперь мне было понятно, что потопленная нами подводная русская лодка носила название «Ястреб»... Деревяшка, которую вы видите, и есть частица шеста. Я отколол кусок дерева и храню его как память о победе.

— Стало быть, пленный утверждает, что потопил русскую подводную лодку «Ястреб», — после небольшого молчания проговорил капитан третьего ранга Коршунов. — Странно, весьма странно. Насколько мне известно, советских подводных лодок с таким названием не существует... Переведите-ка это Генриху Штроппе.

После нескольких слов, сказанных переводчиком, Штроппе поблагодарил и передал через Глазкова, что потопление лодки установлено точно...

Вечером в кают-компании Коршунов рассказал о показаниях пленного. — Понимаете, этот Штроппе уверяет, что потопил нашу лодку «Ястреб». Не могу взять в толк, что это за лодка с птичьим названием.

Командир подводной лодки капитан-лейтенант Степаненко, вчера лишь вернувшийся из боевой операции, попросил Коршунова:

— Николай Александрович, прошу вас, повторите ещё раз всю эту историю.

— Извольте...

И он снова рассказал всё, что знал об атаке немецких катеров, о всплывшем шесте и о непонятном названии «Ястреб».

— «Ястреб!.. «Ястреб!» — Степаненко вдруг хлопнул себя по лбу. — Вспомнил, честное слово, вспомнил! — и он захохотал так оглушительно, что на столе зазвенели стаканы.

— Чего ты смеёшься, не понимаю, — пожал плечами Коршунов.

— Ну как мне не смеяться! Николай Александрович, голубчик, ведь этот самый Штроппе потопил мою подводную лодку.

— Да расскажи же толком, в чём дело.

— Ну, слушайте... Помните об одной операции, которую моя лодка провела в прошлом году? Мы прорвались сквозь конвой и потопили транспорт тысяч шесть водоизмещением. Вскоре за нами погналась чортова уй-

ЮМОР

ма катеров, и всё же нам удалось уйти...

— Да, но какое это имеет отношение к показаниям пленного? — спросил Коршунов.

— Погоди, об этом сейчас и будет идти речь. Пришли мы в базу, начали осматривать лодку, выявлять полученные повреждения и обнаружили, между прочим, что силой взрывной волны с палубы сорвало и выбросило на поверхность шест. А, надо вам сказать, что моему рулевому старшему краснофлотцу по фамилии Ястреб как-то вздумалось вырезать на шесте свою фамилию... Теперь понимаете, в чём дело: капитан-лейтенант Штроппе, подобрав плавающий шест, поспешил приписать себе победу, тем более



— Я отколол кусок дерева и храню его как память о победе.

что ему даже было известно название подводной лодки — «Ястреб»...

Степаненко снова захохотал.

Утром мы снова взирали на пленного Генриха Штроппе. Как и вчера, он курил одну папиросу за другой. Закончив допрос, капитан третьего ранга Коршунов приказал позвать капитан-лейтенанта Степаненко.

— Генрих Штроппе, — обратился через переводчика Коршунов к пленному, — я пригласил сюда капитан-лейтенанта Степаненко, лодку которого вы потопили год назад и за что получили рыцарский крест.

Штроппе насторожился.

— Товарищ Глазков, — продолжал Коршунов, — посвятите Генриха Штроппе в историю, о которой нам рассказывал Степаненко.

По мере того как лейтенант Глазков посвящал Штроппе в историю с «потоплением» подводной лодки, с шестом, с надписью «Ястреб», лице пленного всё более вытягивалось, угреватый нос его казался ещё толще. Он молчал, поджав губы.

— Ну что, обо всём рассказали? — спросил Коршунов.

— Так точно.

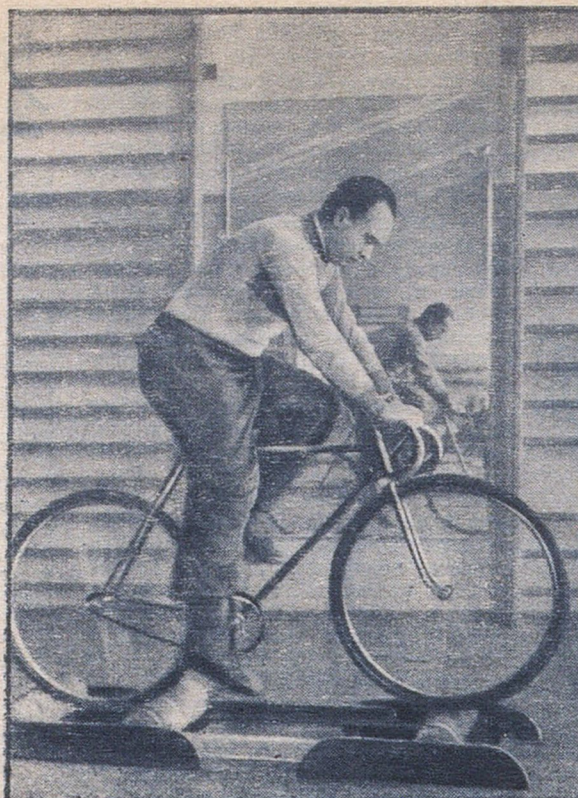
— Отлично. А напоследок сообщите Генриху Штроппе, что миноносец, на котором он следовал в базу, чтобы принимать отряд катеров, потопил не кто иной, как его «старый знакомый» — капитан-лейтенант Степаненко...

СПОРТ

Уроженец Белоруссии Израиль Механик не сразу пришёл к славе мирового рекордсмена. Круглый сирота, он воспитывался в детском доме, а затем занялся сапожным ремеслом. На фабрике «Труд-коллектив» в Минске он поставил свой первый рекорд, давая 300 пар закроя при норме в 80 пар. Это первый рекорд Механика. В свободное время комсомолец увлекается танцами, столь родственными физкультурным упражнениям. На международной спартакиаде 1928 года в Москве, в которой участвовало 7125 человек, сапожник Механик и швея Тайблина прекрасно исполняют парный национальный танец Белоруссии и получают первый приз.

В 1929 году Механик становится гиревиком. На шестом году занятий со штангой он устанавливает на матче Ленинград — Москва свой первый мировой рекорд в категории атлетов лёгкого веса, сделав рывок левой рукой 82 килограмма. К X съезду ленинского комсомола Механик улучшил мировой рекорд до 83 килограммов. За год до Отечественной войны он ставит второй мировой рекорд в жиме двумя руками — 110,3 килограмма.

На фронте Механик командует ротой, защищает родной Кавказ. Раненый в ногу, он возвращается в Москву с двумя медалями



ПЕРЕД ЛЕТНИМ СЕЗОНОМ. Спортсмены московского «Динамо» готовятся к открытию летнего сезона. Слева: заслуженный мастер спорта А. Куприянов тренируется на станке в спортзале «Динамо». Справа: занятия гребной секции. «Четвёрка» 1-го разряда — М. Иосилевская, В. Цветкова, Я. Мишкинис, Л. Райнова; сбоку — тренер и рулевой П. Санин.

Фото Н. Волкова

на груди. В столице его встречает мировой рекордсмен Яков Куценко, который обещает своему другу отпраздновать боевые награды Механика мировым рекордом. В декабре 1941 года в освобождённом Киеве Ку-

ценко устанавливает мировой рекорд в толчке двумя руками для категории тяжёлого веса — 171 килограмм. Через несколько дней Механик салютует из Москвы абсолютному чемпиону СССР новым мировым ре-

кордом в рывке левой рукой — 87,2 килограмма. Это был пятнадцатый мировой рекорд советских спортсменов в 1944 году.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта



НАУКА И ТЕХНИКА

ЭЛЕКСИР РОСТА

В старых учебниках токсикологии, в главе об отравлении растений безвременником, написано: «Лечение бесполезно...»

Действительно, в те времена лечить отравленных сильнейшим ядом, содержащимся в безвременнике, было очень нелёгким делом. Только отравление и страх вызывало у людей это довольно красивое растение. Выпустить скот на поля, покрытые безвременником, — значит, обрекать животных на верную смерть. А между тем именно это растение явилось причиной одного замечательного открытия.

Русский народ дал безвременнику его странное название потому, что он, как будто потеряв всякое представление о времени года, начинает цвести, когда уже снег кое-где появляется на полях и все другие растения уже дали семена.

Безвременник — очень выносливое, стойкое растение. Учёные заинтересовались: что же именно даёт ему возможность выдерживать

условия, в которых погибают другие растения? Почему его нежные на вид цветы дерзко посылают вызов самой природе и не боятся раскрываться, когда на большинстве растений не осталось даже листьев?.. Яд, содержащийся в безвременнике, носит название колхицина, и учёные решили исследовать: не является ли колхицин причиной необыкновенной жизнедеятельности безвременника? Опыты сразу дали большой результат. Некоторые решили, что найдена та «пища богов», которая в одноимённой повести Уэльса превращает крыс в настоящих чудовищ, а скромную травку — в непроходимые заросли. Опыты быстро перенесли на животных.

Сейчас установлено, что обработка колхицином семян различных растений необычайно ускоряет их рост, способствует появлению плодов, овощей и злаков невиданных размеров. Ничтожная доля колхицина требуется для получения раствора, в котором в течение 1—2 дней вымачиваются семена. Трёх—четы-

рёх лет достаточно для получения новых форм фруктовых деревьев при обработке их семян колхицином. Они растут быстрее, дают большее количество плодов, гораздо более крупных по размерам.

Применение колхицина приобретает особенное значение при восстановлении наших хвойных лесов, пострадавших от войны. Эти деревья, являющиеся важнейшим сырьём для многих отраслей промышленности, вообще растут очень медленно, и сообщение их зародышевым клеткам новых свойств поможет в несколько раз ускорить создание древесных масс, нужных нашему гигантскому строительству.

Очень интересные и важные результаты получены доктором биологических наук профессором Л. Бреславец, делающей опыты с семенами ржи. Опыты выращивания растений проводятся под руководством Л. Бреславец в лаборатории морфо-

логии ботанического сада Московского университета. Семена ржи, вымоченные в колхицине, дают почти двойной урожай, потому что каждый колос увеличивается в размере и самые семена становятся гораздо более крупными.

Накоплен большой материал по применению колхицина для ускорения роста овощей, фруктов, ягод. Установлены способы, наиболее удобные для массового использования яда, так улучшающего качества самых разнообразных растений. В руки человека попадает средство, которое вместо долгих лет, требующихся при селекции и скрещивании особенно ценных сортов между собою для получения новых сортов, успевает дать удивительный результат при первом же урожае... Малина — величиной почти с яйцо; огурцы — более похожие на дыни; яблоны и ели, растущие с такой скоростью, словно они подходят на дрожжах, — всё это стало действительностью благодаря открытию, произведённому с помощью растения, которое человек всегда считал своим опасным врагом.

А. Морозов



Почему мы так говорим

СЖЕЧЬ СВОИ КОРАБЛИ

«Сжечь свои корабли», т. е. отрезать себе все пути к отступлению в каком-нибудь деле или начинании, — сделать так, что вернуться назад уже нельзя. Это выражение относится к далёкой древности, к временам войны между Сиракузами и Карфагеном. Сиракузский полководец Агафокл высадился со своими войсками в Африке и начал наступление на Карфаген. Для того чтобы его воины не могли и думать об отступлении, Агафокл приказал сжечь корабли, на которых прибыла его армия. Карфагеняне были разбиты.

КАНИТЕЛЬ

«Канитель» — французское слово. Подлинное значение — тончайшая металлическая посеребрённая или позолоченная нить, служащая для вышивания и украшения. Изготовление канители и работа с нею требуют продолжительного времени. Отсюда и произошло выражение «канитель», означающее в переносном смысле затяжное дело, а также долгий, скучный и бессодержательный разговор.

СМЕСЬ

ЛИТЕЙНАЯ XIII ВЕКА

Во время археологических раскопок городка XIII века (в селе Райки, Бердичевского района) обнаружены остатки оборудования литейного производства, которое было широко развито здесь на базе местных болотистых железных руд.

Найдены обломки тиглей, так называемые «чушки» — куски железа, полученного «сыродутным» способом, — куски плотной железной руды и т. д.

Обнаружено также много небольших глиняных тигельков, предназначавшихся, по видимому, для мелких литейных поделок из меди, серебра и золота, и производственное сырьё в виде слитков серебра, меди и золота. Интересны найденные матрицы, или литейные формочки из яшмовидного сланца, служившие для литья различных украшений.

1. Указ. 2. Амур. 3. Кули. 4. Канада. 5. Рельеф. 6. Эксперимент. 8. Псковитячка. 9. Эскарп. 10. Доктор. 11. Море. 12. Лето. 13. Вата. 17. Отелло. 18. Лютенц. 21. Рота. 22. Мяс. 24. Порох. 27. Особа. 28. Ринг. 29. Снег. 30. Ус. 31. Уж. 35. Ватий. 37. Жуков. 39. Поэма. 41. Акумулятор. 44. Хмельницкий. 46. Слива. 48. Врамс. 49. Куба. 50. Баул. 51. Обоз. 52. Хлеб. 54. Ни. 55. Лебедя. 56. Долото. 58. Еж. 61. Рябина. 62. Реванш. 65. Натрий. 66. Есенин. 68. Таблет. 69. Репс. 70. Сек. 72. Муха. 73. Лето. 74. Вождь.



Академическому ордену Ленина театру имени Хамза в Ташкенте исполнилось 25 лет. Юбилейная дата отмечена постановкой нового спектакля «Алишер Навои». На снимке: народный артист СССР Аббас Умаров в роли Алишера Навои и народная артистка Узбекской ССР Сара Ибраимова в роли...